

Изольда Алмазова

КОМА. 2024

18+

Изольда Алмазова

**КОМА. 2024. Вспоминая
Джорджа Оруэлла**

«Автор»

2017

Алмазова И.

КОМА. 2024. Вспоминая Джорджа Оруэлла / И. Алмазова —
«Автор», 2017

Мы все хотим знать, что нас ожидает в будущем. Возможно, наше будущее будет именно таким... Жанр: антиутопия. (Женский взгляд на грядущие события недалекого будущего или предчувствие будущего).

© Алмазова И., 2017

© Автор, 2017

Мы все хотим знать о том, что нас ожидает в будущем.
Возможно наше будущее будет именно таким...

ЧАСТЬ 1

День первый.

1.

Дорога была длинной и скучной. За окном проносился один и тот же пейзаж: серые и невзрачные поля, убогие сельские домишки, узкие выщербленные дороги на полустанках и железнодорожных переездах. Лишь однажды монотонное перестукивание колес и мою невообразимую скуку разбавила неприятная картина. Неряшливо одетая женщина с растрепанными волосами и хворостиной в руке, перегоняла через дорогу стадо коров. Грязными и донельзя стоптанными копытами они равнодушно шлепали по многочисленным лужам и лужицам, собравшимся после ночного ливня на убитой в край дороге. И все как одна худющие живелины были хромы. Едва перебирая тонкими ногами, коровы медленно, будто на бойню, брели к ферме, маячившей вдалеке.

Во мне начала зарождаться жалость к бедным животным, но поезд с неумолимой настойчивостью бежал вперед и опять перед моим взором предстало то же прежнее безрадостное зрелище.

Чем ближе я подъезжала к Неверску (ой, простите, Солнечногорску, так теперь назывался город, в котором я родилась), вид из окна становился все более мрачным и навевал беспричинную тоску.

Иногда мой поезд останавливался у чистенького вокзала какого-нибудь городка. Здания вокзалов (всех, без исключения, районных городов и поселков городского типа) были выстроены по одному проекту и ни на йоту не отличались друг от друга. Ну... разве только своим цветом, варьирующимся от грязно-серого до бледно-сиреневого, да клумбами, пестревшими яркими осенними астрами. Названия этих городков и поселков вызывали у меня недоумение. Я помнила их иными. И полное переименование населенных пунктов казалось мне странным и нелепым творчеством какого-то явно не совсем здорового чиновника.

Я ехала в гости к своей лучшей подруге Маре Гольской и предвкушала отличный десятидневный отпуск на родине. Увы, судьба разметала нас в разные стороны, и мы не виделись двадцать с лишним лет. Поначалу мы переписывались и при случае созванивались. Потом наша связь как-то резко оборвалась. И ни я, ни Мара почему-то не искали возможности пообщаться. Я, наверное, потому, что много работала и без усталости моталась по свету в поисках новых тем для своего модного и очень популярного женского журнала. А Мара целиком погрузилась в домашние хлопоты и заботы о детях и муже.

Но как-то пару лет тому назад, на своей страничке в Facebook, я обнаружила, что женщина очень похожая на Мару постучалась ко мне в друзья. Посмотрев на ее аватарку, я засомневалась, что дама, смотревшая на меня с нечеткого фото это моя подруга. Лицо женщины было грустным, волосы почти белыми, а губы застыли в неестественной улыбке. Мы с Марой были ровесницами и такой седой моя любимая подруга быть просто не могла. Я помнила Мару веселой жизнерадостной девушкой с роскошными каштановыми волосами, искрящимися карими глазами и милой обаятельной улыбкой. Конечно, я приняла эту женщину в друзья, и она действительно оказалась Марой Гольской, моей подругой. Мы начали активно переписываться и однажды Мара пригласила меня в гости, сетуя на то, что не имеет достаточно денег, чтобы приехать самой и собственными глазами посмотреть на мое житье-бытье. Я была приятно удивлена приглашению и с радостью согласилась. Свою поездку я запланировала на

сентябрь, когда уже будет не так жарко и проливные тропические ливни с сильными грозами не станут помехой моему отдыху. Гольская тоже обещала взять двухнедельный отпуск в сентябре. Я предполагала, что в самом начале учебного года ей будет сложновато выбить еще несколько свободных дней в счет будущих летних каникул. Мара клятвенно обещала приложить максимум усилий в преодолении трудностей, которые могут возникнуть с директрисой школы. Но все сложилось так как мы хотели. К нашей общей радости подруга-таки получила еще десять дней свободы, правда, за свой счет.

Так что все складывалось как нельзя лучше и весь август я нетерпеливо отсчитывала дни до нашей встречи. Визу мне открыли необычайно быстро. И по правде сказать, я была страшно удивлена, что эта процедура продлилась всего три недели. Из новостей я хорошо знала, что Элитария (так теперь называлась моя родина) стала очень закрытой страной. Глава Государства не очень приветствовал частные визиты иностранцев. Но чтобы не выглядеть в лице мирового сообщества диктатором, все же шел иногда на некоторые уступки и разрешал въезд в страну не только дипломатам, журналистам и нужным ему иностранным бизнесменам, но и простым гражданам других стран.

Скажу честно, я рассчитывала на веселый и приятный отдых в кругу семьи Гольских. Еще я надеялась, что мне удастся встретиться с друзьями юности и бывшими однокурсниками. Я училась в университете Неверска на журфаке, а аспирантуру заканчивала в Столице (ранее Большегорск). И да, да, не удивляйтесь. Теперь главный город страны назывался именно так незатейливо и просто – Столица.

А еще я всеми фибрами души желала навестить могилки родителей, которых не стало еще во времена Стабильности.

В общем, сидя сейчас в комфортабельном купе высшего класса, я находилась в предвкушении ярких и счастливых дней, но не могла и представить, что ждет меня на родине. Конечно, я была осведомлена о том, что здесь происходит. Но я и не подозревала, насколько далеко здесь все зашло.

2.

Сойдя с поезда, я с сожалением обнаружила, что меня никто не встречает. Только проводница, молодящаяся блондинка лет сорока пяти, с завистью поглядывала на мои джинсы и дорогой белый свитер из натуральной ангоры, подаренный мне мужем на день рождения. Повертев головой по сторонам в поисках подруги, я все же потопала в сторону здания вокзала вслед за другими пассажирами поезда. Как-то незаметно люди выстроились в колонну по четверо в ряду. Я оказалась зажатой между двумя мужчинами с серьезными лицами. В их руках не было багажа и этот незначительный факт немного насторожил меня, хотя ни одеждой, ни обувью эти типы ничем не отличались от других пассажиров. Четвертая женщина нашего ряда брела, опустив голову. Она старалась поспевать за всеми, но каждый шаг давался ей с большими усилиями. Складывалось впечатление, что она хочет казаться меньше и незаметнее. Женщина с трудом тащила свою тяжелую сумку и хрипло дышала. Ее чрезмерная полнота и посиневшие губы выдавали в ней сердечницу, и я начала опасаться, что бедняга сейчас рухнет на землю.

Колонна постепенно просачивалась внутрь красивого современного здания вокзала и когда я переступила его порог, ко мне подскочила молоденькая девушка в форме проводницы в кокетливо сдвинутой набок пилотке.

– Здравствуйте, – приветливо поздоровалась она и улыбнулась, но ее глаза оставались пустыми, и, я бы даже сказала, безжизненными. – Мы всегда рады гостям нашего города. Пройдемте...

Девушка указала рукой в сторону стеклянной кабинки под первым номером. С потолка свисало неоновое табло, на котором красными буквами горело: «Только для иностранных

гостей города». Левее высвечивалась надпись: «Только для приезжающих в город граждан страны». А еще левее: «Только для горожан». Собственно, весь периметр огромного зала был заставлен этими клетками из пуленепробиваемого стекла. Пассажиры поезда постепенно рассеивались кто куда, но ни один человек не вышел в город, минуя нужную ему кабинку. Кто-то справлялся со своим делом быстро, кто-то задерживался и, покидая свой проверочный (пропускной?) пункт, старался побыстрее оказаться за стенами гостеприимного вокзала.

Я неопределенно передернула плечами и покорно последовала за служащей. К моему крайнему удовлетворению мужики, сопровождавшие меня в колонне, чудесным образом куда-то испарились.

За деревянной и какой-то казенной стойкой, совершенно не соответствующей стилю здания из стекла и бетона, возвышался крупный мужик с абсолютно лысой головой. Определить его возраст было сложно. На вид дядьке можно было дать и тридцать, и сорок, и даже пятьдесят лет. И невзирая на его высокий рост и волевое лицо, он выглядел каким-то ординарным, безликим что ли.

Внимательно оглядев меня с ног до головы, мужчина поинтересовался:

– На каком языке желаете говорить? На французском, английском, немецком или по-китайски? А может по-арабски?

Произнося эти слова, служащий вокзала вставил в ухо какое-то устройство, и я сразу догадалась, что это миниатюрный переводчик.

– На русском, пожалуйста, – любезно ответила я и попыталась выдавить подходящую случаю улыбку.

– Документы, – выдал амбал.

Я подала паспорт. Мужчина бегло просмотрел его, а затем краем глаза зыркнул в монитор компьютера.

– Так может все-таки по-французски? Вы же прибыли к нам из Швейцарии, – то ли спросил, то ли констатировал факт мужик.

– Давайте говорить по-русски. Я родилась в этом городе и родную речь не забыла.

– Хорошо, – равнодушно согласился он. – Вы согласны принять чип?

– Какой чип? – удивилась я.

– Индификационный. Без него вы не сможете покинуть здание вокзала.

– Простите, но на границе меня не предупреждали ни о каком чипе.

– На границе в ваш паспорт внесли только все ваши биометрические параметры, что позволяет вам свободно передвигаться по стране. А чтобы находиться в нашем городе вам необходим еще микрочип. Это даст вам право находиться здесь, в Солнечногорске.

Я чуть не задохнулась от возмущения.

– Так да или нет? – ледяным голосом спросил мужик.

– Да, – сдалась я без боя. (Не возвращаться же на самом деле назад, когда проделан такой длинный путь?).

– Хорошо.

Амбал подхватил документ и направился к закрытой металлической двери, располагавшейся позади него. Вернулся он довольно быстро. В одной руке мужчина держал мой паспорт, а в другой пистолет для вживления чипов.

– Дайте правую руку, пожалуйста, – заученно приказал блюститель порядка, если так можно было назвать этого гражданина.

Я безмолвно протянула руку, остро чувствуя смесь унижения и бессилия. Мужчина небрежно бросил паспорт на стол. Потом неторопливо выудил из нагрудного кармашка полиэтиленовый пакетик с чипом и белой прямоугольной пластинкой, сделанной из неизвестного мне синтетического волокна или сплава. Пластинка была очень похожа на тоненький и гибкий

кусочек марли. Я начала подозревать, что это какое-то новое цифровое устройство. Но дядька, по всей видимости, не собирался пояснять мне его истинное предназначение.

В какой-то момент мне показалось, что этот неприятный тип с каким-то невероятным садизмом растягивает довольно простую и быструю процедуру, наслаждаясь моей беспомощностью и невозможностью остановить это издевательство. Садист, а по-другому его назвать я сейчас не могла, осторожно вытащил пластинку из пакетика, приложил ее к моему запястью и поднес к руке пистолет. Медленно нажимая на курок, он произвел выстрел. Ну... выстрел – это громко сказано. Это был тихий щелчок, загнавший мне под кожу невидимый чип и приклеивший к тыльной стороне запястья бесцветную пластинку. Я невольно вздрогнула, но ничего не почувствовала.

– Не снимайте пластину в течение суток. Это важно, – сказал служащий вокзала и добавил, стараясь придать своему голосу подобие радушия: – Мы всегда рады гостям нашего города.

Произнеся эту заученную избитую фразу, мужчина сразу же потерял ко мне всякий интерес. Теперь его взор был направлен на кого-то стоящего за моей спиной. Я схватила паспорт и поспешила к выходу, ощутив, что удушливая атмосфера вокзала не дает мне вздохнуть полной грудью и что-то похожее на гнев формируется внутри меня. И этот гнев, как шпион, выполняющий миссию на вражеской территории, до поры тихонько затаился, поджидая удобного момента, чтобы в один прекрасный день вырваться на волю и выполнить свое задание.

3.

Большие двери на фотоэлементе радушно распахнулись, выпуская меня в город беззаботного детства и счастливой юности. Мара стояла у крыльца, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Я сразу узнала подругу и к моему крайнему изумлению аватарка полностью соответствовала ее настоящей внешности. Невысокого роста, щупленькая, с рано поседевшей головой, она была по-прежнему красива той неброской красотой, которая была свойственна всем нашим женщинам. Только эта седина и глубокие скорбные складки у рта состарили ее лет на десять.

Я бросилась к любимой подруге и крепко ее обняла.

– Здравствуй, милая!

– Женечка, запомни, у нас бегать больше нельзя. Загребут. – Шепнула мне на ухо Мара, а потом громче добавила: – С приездом, дорогая! Как добралась? Как же я рада тебя видеть! А еще больше я рада тому, что ты все же решилась приехать к нам. Ну что, ко мне?

Я кивнула. Взявшись за руки как в старые добрые времена, мы направились к остановке. Меня переполняли эмоции. Мне так много хотелось рассказать и о многом расспросить мою подругу! Но Мара держалась как-то скованно, отстраненно. Она шла молча и я, поддавшись ее странному поведению, придержала язык за зубами. Казалось, что сейчас мы должны были бы болтать без умолку и, перебивая друг друга, живо делиться новостями, коих за последние годы накопилось немало. Но нет. Мы неторопливо шли к остановке и ни обмолвились ни словом.

На чистом, почти стерильном пятаке асфальта, люди тоже стояли практически молча. Только иногда доносились редкие реплики ни о чем. Горожане были опрятно одеты, мужчины гладко выбриты, а у женщин преобладали простые короткие стрижки.

Первое, что бросилось мне в глаза это то, что ни на остановке, ни на тротуаре напротив не было детей.

– Мара, а где дети? Почему я не вижу детей? Уже вечерет, погода теплая и по идее они должны бегать по улицам.

– Те, кто учится, находятся в школе до восьми часов. Потом школьников развозит по домам школьный автобус. А малышам и их родителям в это время суток запрещено появляться за пределами своих дворов. Ну... только в случае крайней необходимости, – тихо, чтобы нас не услышали люди, пояснила Мара, а затем вдруг нервно приказала: – Опустить голову! Быстро!

– Ты чего? – опешила я. – Почему я должна...

– Тише ты! Делай как я говорю, – прошептала Мара и слегка согнувшись, опустила глаза в землю. Что-то смутно зашевелилось в моей памяти. Но понять, что именно за мысль пробивается к моему сознанию у меня не было времени. Я последовала примеру подруги и опустила голову. Из-за слегка припухших век, я повела глазами вправо и влево. Все, кто в эту минуту находился рядом с нами, так же стояли свесив головы. В следующее мгновение я отчетливо услышала легкое потрескивание и шум вентилятора. Я догадалась, что эти звуки издает маленький беспилотник. Дрон сделал пару кругов над остановкой и удалился в сторону железнодорожных путей. Послышались вздохи облегчения. Люди начали выпрямляться. Их речь стала активнее и чуть громче.

– Теперь можно поднять голову, – разрешила Мара.

– Да неужели? – съехидничала я и подняла глаза на подругу.

Ее лицо было спокойным, словно ничего из ряда вон выходящего не произошло. Мара хотела сказать что-то в ответ, но к остановке подкатил красивый зеленый троллейбус. Его округлые формы и внешний вид в целом, создавали приятное впечатление надежного и совершенного городского транспорта. Я не учуяла и противного запаха выхлопных газов. Понятно. Это троллейбус, работающий на электричестве. Впрочем, я давно привыкла к электротранспорту. Сама водила «Tesla» и была очень довольна работой своего электрокара. (Ну это так, к слову). Троллейбус двигался почти бесшумно, только открывающиеся двери издали тихий шипящий звук, больше напоминающий шелест шин об идеально ровное шоссе.

Мы вошли в светлый просторный салон. Низкий пол, кондиционер, чисто. Все, как и у нас. В салоне все сорок сидений были заняты молчаливыми и однообразно (довольно бедно по моим меркам) одетыми людьми. Когда троллейбус тронулся и проехал несколько метров, я вдруг сообразила, что в здании вокзала, на остановке и вот теперь в салоне было как-то уж очень тихо. Ни топота, ни смеха, ни громких разговоров и восклицаний. Словно здесь обитали не нормальные живые люди, а их подопытные, тени, имитирующие жизнь. Да, было тихо, мирно и спокойно, как на кладбище. От этого сравнения и первых весьма странных впечатлений от любимого города, полученных буквально в первый час по прибытии, меня передернуло. И эти первые впечатления повергали меня в шок. Я не узнавала свой Неверск. Вроде бы привокзальная площадь та же, и старые дома, возведенные в прошлом веке те же; та же троллейбусная линия и тот же перекресток. Но что-то было не так, не правильно. Мое сознание пыталось охватить все и сразу, разложить все по старым, привычным с детства полочкам. Но сходу сделать какие-то умозаключения не получалось. Мне необходимо было время, чтобы докопаться до истины и все понять.

Тем временем Мара приблизилась к миниатюрному экранчику, прикрепленному к металлическому стержню в центре салона. Она достала из портмоне пластиковую карту и дважды коснулась ею экрана. На табло первый раз высветилось: «Личность установлена», а во второй раз: «Спасибо, оплачено за двоих. Можете следовать по назначению».

Конечно же с я интересом наблюдала, как эту процедуру проделали все вновь вошедшие пассажиры. Все происходило без суеты, толкотни, ругани и лишних слов. Люди выстроилась в аккуратную очередь, насколько это позволяло пространство салона и терпеливо дожидались возможности оплатить проезд. Я конечно с трудом представляла, как можно так культурно оплатить проезд в час пик, когда троллейбус забит до отказа. Но, возможно, мне еще представится возможность понаблюдать и за этим.

У меня же дома мы оплачивали проезд в городском транспорте раз в месяц. Это была совершенно мизерная плата. Чтобы поддержать город, некоторые мои друзья, да и я сама, делали этот ежемесячный взнос добровольно. Мы все имели свои машины и крайне редко пользовались общественным транспортом.

Мои размышления прервала Мара.

– Можно поставить сумку на пол. Это разрешено. Хотя нам не очень долго ехать, – вплотную придвинувшись ко мне, почти прошептала она. – Ты помнишь еще мой адрес?

– Ну конечно! И ты по-прежнему живешь в квартире родителей?

– Да. Мы с Павлом так и не смогли собрать денег на свое жилье. Все наши сбережения пропали после... – Мара запнулась и нехотя добавила: – После последней деноминации. И теперь восстановить прошлые запасы нереально.

Мне показалось, что подруга не совсем искренна со мной и за ее словами что-то кроется. Но я быстро откинула прочь странные подозрения и посочувствовала:

– Жаль. Очень жаль.

Немного отстранившись от меня, Гольская спросила чуть громче:

– Расскажи, как ты доехала?

Подруга сменила пластинку, и я не стала возражать. В двух словах я описала свое долгое путешествие. А спустя некоторое время из скрытого динамика раздался мелодичный женский голос: «Остановка. Улица Ленина. Выходя из салона не забывайте вещи». Я чуть не захохотала в голос. Надо же! Это название осталось прежним! Но Мара строго посмотрела на меня, и я подавила вырывающийся наружу смех. Хотя на самом деле мне было не смешно. Весь мир, за исключением стран десяти, уже давно осудил этот персонаж истории. Но по всей видимости в Элитарии по-прежнему чтит «вождя мирового пролетариата» и всячески сохраняли память о нем и его кровавых делах.

Мы вышли из троллейбуса и с сожалением отметили, что погода резко переменялась. Солнце скрылось за низкими тучами. Было тепло по-прежнему, но начал накрапывать довольно противный мелкий дождичек.

На хорошо знакомой мне улице все осталось по-старому. Только на огромном подсвеченном баннере, возвышавшемся у дороги, я прочла: «Мы все очень любим свою страну! Мы гордимся ее достижениями! Мы счастливы жить в Элитарии!»

Кричащие лозунги были наложены на чудесный летний пейзаж. Прекрасное чистое озеро с золотыми берегами, обрамленное ухоженными полями вызывало чувство покоя. На берегу озера стояла молодая пара и счастливо улыбалась. Мужчина держал на руках девочку со светлыми кудряшками. На вид девчужке было годика четыре. Нереально милый ребенок весело махал всем, кто проходил мимо кричащего баннера.

Заметив, что я с интересом рассматриваю рекламный щит, Мара пояснила:

– Картинки меняются один раз в месяц. Но надпись всегда остается прежней. – Гольская тяжело вздохнула и опасливо оглядевшись по сторонам, печально добавила: – Картинки на баннерах всегда очень красочные и яркие. Природа, красивые дома и счастливые люди... Ах, если бы все это соответствовало действительности!

– А что, разве это не так? – осторожно спросила я.

После короткого раздумья Мара неопределенно высказалась:

– Может быть... когда-нибудь... Но боюсь, не при нашей жизни.

Не обращая внимания на дождь, мы неспешно приближались к старой серой пятиэтажке. И несмотря на то, что дома квартала были выкрашены в разные цвета, ощущение серости все равно сохранялось. Возможно благодаря быстро сгущающимся сумеркам, а возможно из-за усиливающегося дождя. Мы быстро промокли и хотели поскорее оказаться в тепле уютной квартиры Гольских.

Мое подсознание по-прежнему фиксировало все произошедшие здесь перемены. Чистота на дорожках и тротуарах, доведенная до стерильности. Аккуратно подстриженные кусты у металлических низких заборчиков. Спеленные под корень старые деревья и совсем еще юные, не так давно высаженные березки и топольки. Разноцветные пустые скамейки у подъездов. Редкие, чем-то озабоченные прохожие и соседи, выгуливающие своих собак в строго отве-

денном месте. А еще маленькие детские площадки с невысокими металлическими горками и крохотными песочницами под скукоженными грибками.

А моя упрямая память снова и снова возвращала меня в счастливую пору детства и юности, когда все было ярко, живо, шумно и весело. Мужики, играющие в домино в красивой беседке, позволяющие себе время от времени нецензурные выражения. Молодые мамы с колясками, громко обсуждающие какое детское питание лучше. Детвора, непрерывно бегающая по двору, забавляясь игрой в пятнашки, прятки или в безобидную войнушку. И сварливые старушки, сидящие на скамейках и беззлобно обсуждающие проходящих соседей и особенно девиц на выданье.

«Старею, наверное,» – подумала я и взглянула на окна дома Гольских. В некоторых окнах уже был зажжен свет. На втором этаже третьего подъезда распахнулась балконная дверь. В лоджии появился Пашка Гольский и приветливо замахал нам рукой. Я тоже махнула ему в ответ, а Мара улыбнулась. Впервые с момента нашей встречи она улыбалась искренне и счастливо, а из ее глаз струилась безмерная любовь и нежность.

– Пашке не терпится с тобой встретиться. Ты даже и представить себе не можешь как мы рады твоему приезду.

– И я рада, что приехала, – искренне сказала я. И это была чистая правда.

4.

Наконец мы оказались под спасительным навесом подъезда. Мара приблизила правое запястье к экрану домофона. Металлическая дверь легко и приветливо распахнулась, и мы вошли в тускло освещенный подъезд. В нос сразу же ударил резкий кислый запах. Это была помесь прокисших вчерашних щей, жареной на дрянном масле рыбы, застарелой плесени и мокрых тряпок. А еще я не уловила запаха сигаретного дыма, который, насколько я помнила, всегда висел в подъезде Мары. На подоконниках довольно чистых этажных окон не наблюдалось ни пепельниц, ни традиционных банок с окурками. Стены подъезда, выкрашенные дешевой масляной краской в темно-зеленый цвет, удручали и давили на мозг. В подъезде было чисто, почти стерильно. Даже перила лестницы казались свежeweымытыми. На ступенях кое-где были заметны потеки воды. Видимо кто-то совсем недавно делал здесь уборку, потому запах мокрой грязной тряпки был столь сильным.

– Как у вас чисто! – воскликнула я и похвалила: – Твои соседи большие молодцы! Очень хорошо следят за порядком, не то что во времена нашей молодости. . .

– Да уж. . . – неопределенно хмыкнула подруга и горько улыбнулась. – Только это не наша заслуга. За чистоту в помещениях и на улицах отвечают совсем другие люди.

– Уборщики? Дворники?

– Послушники, – неохотно ответила Мара.

– Кто-кто? – не поняла я.

– Послушники, – повторила подруга и в ее голосе я услышала нотки боли.

– А кто они, эти послушники?

– Потом расскажу, – отмахнулась Мара и с облегчением произнесла: – Вот мы и дома.

На площадке второго этажа, широко улыбаясь, стоял сам хозяин дома. Паша Гольский был когда-то очень красив. Яркий брюнет с ясными голубыми глазами, он был широкоплеч, высок (где-то под метр девяносто) и невероятно обаятелен. Все вместе, да плюс спортивная гибкая фигура, делали Пашку просто неотразимым для нас, девчонок, только вступающих во взрослую жизнь. В ту далекую пору мы искали приключений, новых впечатлений и знакомств. Но самое главное – первой любви и, естественно, секса и чувственных наслаждений.

Маре повезло больше всех. Именно ей, первой, удалось привлечь внимание красавца-студента исторического факультета одного из трех вузов Неверска. А попасть на этот факультет можно было только благодаря большим связям или блату. Ну и знаниям, конечно, если таковые

имелись. Высшие учебные заведения постепенно сокращались из-за отсутствия финансирования. Выживали только те институты и университеты, которые давали знания преимущественно за деньги (и немаленькие, надо сказать), а бюджетных мест год от года становилось все меньше и меньше. С годами и особенно во времена Высшего Благополучия и Мира, сменившего годы Стабильности, высшее образование стало практически недоступным детям из простых и бедных семей. Но, к своей великой радости, в тот период я уже находилась очень далеко от родного дома и была уверена в том, что мои собственные дети получат самое лучшее образование, или то, которое они захотят сами. Материальное положение моей семьи позволяло мне абсолютно не думать о деньгах и не беспокоиться о будущем наших с Олафом детей. И как ни страшно мне было когда-то покинуть родину, я никогда не жалела об этом. Ни тогда, ни сейчас.

Так вот, у Гольского было и то, и другое. Его родители были чиновниками высшего звена нашего губернского (в прошлом областного) города. Отец был главой администрации Центрального района, а мать там же возглавляла отдел экономики и стратегического планирования. За годы усердной службы на благо государства родители Пашки приобрели определенное влияние, обросли связями, деньги имели и посему легко пристроили сына на престижный факультет. Но я бы слукавила, если бы сказала, что в поступлении Пашки в университет свою роль сыграл только блат родителей и их деньги. На самом деле Гольский был умен, учиться любил и окончил школу с золотой медалью. Парень, не прилагая особых усилий набрал необходимое количество баллов и стал студентом.

Мы с Марой поступили в университет годом позже. Она направила свои стопы в педагогику, а я в журналистику. Вскоре мы познакомились с Пашей, и Мара тут же влюбилась. Завязать прочные отношения с красавцем-историком ей удалось не сразу. Он всегда находился в окружении сокурсниц и поклонниц, но я часто замечала, как заинтересованно он поглядывает на мою подругу. Она же, поймав его взгляд, то краснела, то бледнела. Однажды на перемене он просто подошел к ней, и больше они не расставались. Впрочем, Маре пришлось стойко выдерживать натиск родителей Пашки. Они были против подобного мезальянса, ведь родители Мары были всего-навсего простыми учителями. Но Пашка оказался внутренне более сильным, чем могло показаться со стороны и далеко не маменькиным сыночком. Поэтому их свадьба состоялась.

На свадьбе я выступала в роли свидетельницы и была счастлива за обоих. Я любила Мару и мне очень нравился Павел. В моих глазах он был идеальным мужчиной до тех пор, пока, учась в аспирантуре Большегорского госуниверситета, я не встретила Олафа Свенсона, своего будущего мужа.

А еще я очень уважала Гольского за его честность, открытость и принципиальность. И даже за то, что он частенько критиковал родителей за их снобизм и высокомерное отношение к простым людям. Он откровенно говорил, что никогда не пойдет по стопам родителей, не будет бездушным чинушей, а станет известным археологом и своими открытиями прославится на весь мир.

У родителей же молодого мечтателя, были иные планы. Они желали видеть своего сына как минимум министерским служащим, а как максимум, вторым лицом государства. Уже в те времена претендовать на первое место в стране было не реально и даже опасно. Именно поэтому Паша и учился на истфаке. Из стен этого привилегированного факультета любого вуза страны, выходили будущие чиновники высокого ранга. Министры, главы администраций и руководители крупнейших государственных и частных предприятий (в том числе и сельскохозяйственных) очень быстро сформировались в элиты, а во времена Стабильности стали достаточно сильными и прочно укрепились на своих местах.

Пашка рассказывал, что лекции по политологии, госуправлению, экономике и идеологии его мало привлекают. Ему гораздо более интересными казались занятия по археологии, Древней истории и истории Средних веков. На моем факультете нас тоже пичкали и зомбиро-

вали всякой ерундой, но не до такой степени, как на истфаке. Все исторические факультеты по сути находились под управлением не декана и ректората вузов, а Администрации Главы Государства. Поговаривали, что там даже есть Списки Желаемых студентов. Лояльных власти студентов необходимо правильно обучить, идеологически верно воспитать и вырастить из них будущую замену, уходящим на покой руководителям. И эта молодежь должна беспрекословно претворять в жизнь Указы и Декреты Главы Государства (в простонародье – ГГ), как и их предшественники.

Сейчас же, Гольский широко распахнул свои объятия и я, бросив сумку на пол, с радостным чувством прикинула к нему.

– Здравствуй, Женечка, – поздоровался со мной Паша, похлопывая меня рукой по спине. Его объятие было довольно крепким, и я пролепетала:

– Отпусти, медведь. Задушишь.

Гольский ослабил хватку и съерничал:

– А может к тебе надо обращаться госпожа Свенсон?

– Нет, можно по-старому. Просто Женька.

Мы громко рассмеялись и поцеловались.

– Тише вы! – приструнила нас Мара. – Соседей нельзя беспокоить. Давайте, заходите уже в дом.

Мы вошли в квартиру. Я была рада оказаться сначала в узеньком коридоре, а затем и в уютной гостиной. Старая добротная дубовая мебель, приобретенная когда-то родителями Мары, теперь была больше похожа на антиквариат. Благородная патина делала мебель дороже ее первоначальной цены. Большая плазма отечественного производства, внешне ничем не отличалась от известных мировых брендов. (К слову сказать, вся бытовая техника Гольцовых, вплоть до сенсорных смартфонов и ноутбука их дочери, была произведена в Элитарии). Красивые шторы сейчас были наглухо задернуты, а в пятирожковой люстре тускло горели всего две лампочки. После такого долгого перелета и поезда я очень устала и с удовольствием плюхнулась в большое мягкое кресло, обитого затертой кожей, бывшей когда-то кремового цвета.

Радость от встречи с друзьями переполняла меня. Я с нетерпением ожидала момента, когда можно будет поболтать с ними по душам, как в старые добрые времена.

Из кухни доносились умопомрачительные запахи. Я сразу определила, что Мара приготовила курицу в духовке. А еще салат из свежих овощей и, естественно, так любимую мною шарлотку. Мара отлично готовила. Еще лет в четырнадцать она баловала меня своей выпечкой. Правда ее булочки и крендельки не всегда удавались и были пышными, как подобает подобного рода изделиям. Но мне они казались такими вкусными, что всякий раз я просила добавки.

Жадно втягивая ноздрями чудные ароматы, я почувствовала, что зверски проголодалась. От предвкушения вкусной домашней еды у меня потекли слюнки.

Гольский внес мою сумку в гостиную, а я, неохотно поднявшись с просиженного кресла, пошлепала к ней. Расстегнув молнию, я вытащила из сумки бутылку Бакарди Карта Бланка и протянула ее Павлу.

– Это тебе, Паша.

Гольский заулыбался и сказал:

– Спасибо, Женя, но не стоило тратить. Ром-то ведь дорогой, – рассматривая этикетку, он сокрушенно добавил: – Да и разбавить его нечем.

– Нет проблем. Я в поезд брала с собой Колу, но так и не открыла ее.

Я выудила литровую пластиковую бутылку напитка и по-прежнему сидя у сумки, протянула ее Гольскому.

– Живем, – оживился Пашка и двинул в кухню. Но у самой двери обернулся и произнес: – Твой подарок даже грешно пить под картошку.

– А мы по чуть-чуть, – банально пошутила я. – Не важно под что пить, главное с кем. Жаль только, что на границе у меня забрали вино и коньяк. Оказывается, к вам можно провозить только одну бутылку любого алкоголя. Я выбрала ром.

– Да, мы знаем об этом, – согласилась Мара, появившаяся в проеме двери. – Ладно, поднимайся-ка, подруга, и иди мыть руки. Можешь душ принять, пока я накрываю на стол. Сейчас принесу тебе полотенце.

Мара вышла в соседнюю комнату, а Пашка скрылся в кухне.

– А где дети? – громко спросила я, так чтобы Мара услышала меня и встала с пола.

– Лада будет с минуты на минуту, – глухо отозвалась Мара. – А вот Игорек уже давно не живет с нами.

– Как так? – Я не смогла скрыть своего удивления.

– Я потом тебе все расскажу, Женечка.

Гольская вышла из спальни. Она несла большое махровое полотенце, которое знало уже ни одну стирку. Мара казалась чем-то опечаленной. И это была не просто печаль, а запрятанная куда-то далеко внутри себя тоска, смешанная со старательно скрываемым отчаянием.

«Что это с Марой? Я чем-то обидела ее? Почему на мои такие простые вопросы она отвечает уклончиво или не отвечает вовсе?»

– Ладно, не говори если не хочешь, – пожала я плечами и взяла протянутое мне полотенце.

Крохотная узенькая ванная комната была очень чистой. Голубоватый, почти белый кафель на стенах и полу создавал впечатление больничной стерильности. (Это слово будто прицепилось ко мне). Здесь едва умещалась душевая кабинка, стиральная машина под коротким названием «Ель-800», неглубокий умывальник на толстой ноге и старый унитаз. Корзина для грязного белья стояла прямо на крышке стиралки, поскольку другого места для нее просто не было. Стеклянная полочка под овальным зеркалом в простой раме, была уставлена небольшими бутылочками с шампунями, гелями и пенкой для бритья. Марки производителей мне были не знакомы. Но по аннотациям легко было понять, что все это было произведено в Элитарии. Впрочем, как и вся бытовая химия (в чем я убедилась позднее).

Я открыла крышечку шампуня и поморщилась. Запах был резким и неприятным. Гель для душа, правда, источал приторный аромат фиалки. Судя по запахам и качеству упаковки средства гигиены были дешевыми. Мыло тоже не отличалось хорошим запахом, но выбирать не приходилось. Конечно, можно было вернуться в гостиную, взять несессер и воспользоваться своими туалетными принадлежностями. Но я не хотела обижать хозяев, демонстрируя неуважение к их жизни и бытовым условиям.

Я посмотрела на себя в зеркало. Отражение не порадовало меня. Лицо осунулось, глаза уставшие и в них застыл вопрос: «Что здесь происходит?» Но увы. Ответа у меня пока не было.

Я быстро сбросила одежду и взяла в руки шампунь. Дата изготовления: 01.01. 2020. Что, ему уже четыре года? Странно. Ладно, будь что будет! Я вошла в кабинку и встала под теплый душ. Дождаться горячей воды не было смысла – напор воды был слабым. Или в квартире стоял ограничитель с целью экономии, или ее сэкономили в другом месте. Еще в самолете кто-то рассказал мне, что в Элитарии очень дорогая вода, несмотря на то, что здесь много рек и озер. И не мне ли знать об этом? Я часто вспоминала, как мы с девчонками бегали на Божье озеро искупаться в его кристально чистой воде и поваляться под солнцем на песчаном пляже. Мы пользовались каждым летним солнечным днем, чтобы потом хвастаться изумительным ровным загаром. Конечно, поначалу сгорали, но кефир или сметана делали свое дело, и краснота сходила за день-два, а на ее месте проявлялся замечательный оливковый цвет. Но мы жаждали шоколадного цвета кожи, поэтому старались не пропускать ни одного погожего денька.

Сквозь шум воды я слышала, как прозвонил домофон, а немного погодя открылась входная дверь. В коридоре раздались голоса Мары и ее дочери. (Слышимость была отменная).

– Она приехала?

– Да, доченька. Тетя Женя в ванной. Ты пока не заходи туда.

– Ладно.

Голоса начали удаляться, а я решила поскорее закончить плескаться под такой же чуть теплой водой. Мне не терпелось увидеть младшую дочь подруги. Я без сожаления закрутила кран и вышла из кабинки. Затем насухо вытерла отдохнувшее тело, натянула джинсы и свежую блузку. Через пару минут я уже входила в кухню.

Гольские, поджидая меня, сидели за празднично накрытым столом.

– Проходи, Женечка. Садись. – Радужно пригласил меня хозяин дома и я не заставила их ждать. Я плюхнулась на свободный стул и посмотрела на девочку.

– Здравствуйте, тетя Женя. С приездом, – робко поздоровалась она.

– Привет, Лада. Я очень рада с тобой познакомиться, – широко улыбнулась я и через стол протянула девочку руку. Она как-то вяло пожала ее и опустила глаза.

– Ой, ну какая же я все-таки бестолковая, – воскликнула я, хлопнув себя ладонью по лбу. – Я же, Ладушка, привезла тебе подарок. Кстати и тебе, Марочка. Я так еще и не удосужилась вручить вам свои сувениры!

Я вскочила со стула и метнулась к дорожной сумке. Выхватив из нее заранее приготовленные пакеты, я с той же скоростью вернулась назад.

Я раздала подарочные пакеты Гольским и удовлетворенно откинулась на спинку стула. Подарок для Лады оказался самым большим по объему, но еще один пакет так и остался лежать на моих коленях.

Гольские не ожидавшие такого сюрприза, тут же начали доставать подарки. Ладе досталась коробочка швейцарского шоколада и очаровательное платье от «Марибэль». Мара с восторгом перебирала натуральную французскую косметику, а Пашка перелистывал прекрасное издание Джорджа Харриса «Византия».

Наконец Гольский оторвал глаза от книги и взглянул на меня.

– Спасибо, Женя. Оказывается, ты помнишь...

– Ну как не помнить, Паша? – Я сразу догадалась, о чем он говорит. – Хотя мы же столько лет не виделись и многое изменилось, я была уверена, что тебе мой подарок понравится. И не могла же я приехать к вам в гости с пустыми руками!

Я смотрела на Гольского и только сейчас обратила внимание на его серое изможденное лицо, седые виски, глубокие морщины на лбу и неестественную худобу. Только глаза по-прежнему были яркими, живыми, выразительными.

Младшая же Гольская спокойно отложила шоколад и теперь рассматривала платье. Она казалась равнодушной и бесстрастной. Меня такая реакция подростка по меньшей мере удивила. Ну не могла нормальная девчонка, уже почти девушка, так индифферентно отреагировать на модный мировой бренд! Я только хотела открыть рот и спросить у Лады понравилось ли ей платье, как услышала голос подруги:

– А что за пакет у тебя на коленях?

Я немного замялась, а потом честно сказала:

– Здесь подарок для Игорька. Но...

Я боялась говорить дальше, потому что не знала истинной причины отсутствия мальчика в доме. Я боялась спрашивать о том, что с ним и где он сейчас. И я лихорадочно искала слова, чтобы разрядить обстановку в этой уютной кухне моих друзей. А здесь повеяло холодом и мне казалось, что мы все сейчас превратимся в ледяные статуи.

Мне на выручку пришел Павел:

– Но, если твой подарок для Игоря подойдет Ладе, можешь отдать его ей.

– Ладно, – легко согласилась я и передала пакет Ладе.

Она повесила платье на спинку стула и достала плоскую коробку средних размеров. Открыв ее, девочка удивленно посмотрела на меня и это была первая эмоция, отразившаяся на ее милом лице.

– Доставай то, что в коробке, – улыбнулась я и пояснила: – Это новейший трансформер. Это квантовый сенсорный компьютер последней модели. Ты видела когда-нибудь такой?

Лада отрицательно покачала головой и принялась рассматривать тонкий бесцветный ноутбук.

– Но он просвечивается. Как же...

– Открой. Когда поднимется крышка он заработает и засветится, и ты увидишь привычный для тебя экран и рабочую панель.

– А как он заряжается? – удивленно спросил Гольский.

– От солнца и его зарядки хватает почти на месяц, – пояснила я.

– Не может быть! – восхитилась Мара и добавила: – Мы еще таких не видели. У нас все компьютеры и планшеты наши, элитарские. Но как же ты его провезла через таможню?

– А вот это большой секрет, – ответила я.

– А можно я пойду к себе и там буду разбираться с компом? – обратилась Лада к отцу. Лицо девочки порозовело, а умненькие глазки засветились радостью и любопытством.

– Нет! – отрезал Павел. – Сначала ужин, а потом игрушки.

– Но мне не позднее одиннадцати в постель...

– Но, Паша, ради бога, в такой день давай сделаем исключение. Иди, доченька, а еду я принесу в твою комнату.

– Спасибо, мамочка!

– Если тебе понадобится помощь, обращайся, – вставила я.

– Нет, тетя Женя, я хочу разобраться сама!

Мы остались втроем. Гольский потер руки и весело спросил:

– Ну что, дамы, начнем ужин? Кому налить?

– Всем, – в один голос ответили мы.

Атмосфера за столом разрядилась, и я наконец почувствовала, что вернулась в юность. Мы пили, ели и с ностальгией вспоминали старые добрые времена. Но мы ни словом ни обмолвились о дне сегодняшнем. Я не задавала неудобных вопросов. Я не хотела портить праздник ни себе, ни Гольским. У нас еще будет возможность поговорить о настоящем. Всему свое время.

После вкусного и сытного ужина мы как-то рано, чуть за полночь, улеглись спать. Оказавшись в спальне Гольских (а место мне выделили именно здесь) и с удовольствием растянувшись на их широкой супружеской кровати, я позвонила Олафу. Бодреньким голоском, но слегка заплетающимся языком, я доложила, что доехала прекрасно, что Гольские очень рады мне и что я уже лежу в постели. Свенсон строго наказал мне никуда не лезть, свое мнение не высказывать и держаться подальше от неприятностей. Я обещала мужу быть примерной девочкой и отключилась. В эту ночь я спала как убитая. Крепко и без сновидений. Утром я не слышала, как Ладушка ушла в школу, а Пашка отправился на работу. Оказывается, уже давно Гольский трудился в троллейбусном парке. Теперь он простой водитель и своей работой доволен. Естественно, я удивилась, но не спросила почему он оставил любимое занятие археологией и как долго он водит троллейбус.

День второй.

5.

Завтракали мы с Марой поздно. Мы сидели в кухне и беззаботно болтали.

– Да, подруга, порадовала ты нас вчера. Ладка даже заснула в обнимку с компом.

– Здорово! Я рада, – откликнулась я, прожевав бутерброд с отвратительной колбасой. – Но мне показалось, что платью не очень понравилось девочке.

– Что ты, что ты! – запротестовала Мара. – Очень даже понравилось! Только...

Гольская стусевалась и замолчала.

– Только что?

– Понимаешь... Ты не обижайся, Женечка, но ей нельзя носить такое дорогое платье и...

И тем более привезенное из-за границы.

Я поперхнулась кофе и ошеломленно уставилась на подругу. Придя в себя, спросила:

– П-почему?

– Да потому, что это платье для богатых. Для Высших. А мы Средние! – С каким-то надрывом громко вскричала Гольская и в сердцах бросила на стол нож, которым намазывала масло на горбушку батона.

Я молчала. Я просто ничего не понимала. Я не просто не понимала подругу – я была потрясена. Этот неожиданный эмоциональный всплеск Мары показался мне не просто странным, а очень странным.

– Так. Твоей дочери нельзя носить приличное платье, потому что вы средние. Это в каком смысле средние? – Спросила я, стараясь говорить ровно и призывая в помощь свой здравый смысл.

– Понимаешь... как бы тебе объяснить? – Мара на секунду задумалась и сделал глубокий вдох, решила: – Мы... наша семья принадлежит к средней социальной группе...

– К среднему классу что ли? – беспардонно перебила я подругу.

– Вот, вот. К среднему классу. – Мара говорила, тщательно подбирая выражения и делая паузы между словами. Я чувствовала, что говорить ей нелегко, что она мучается и что ей отчего-то стыдно. – Но у нас не принято произносить слова типа «класс», «слой» или «сословие». Мы просто говорим: Высшие, Средние и Низшие.

– Понятно, – отозвалась я, хотя мне было по-прежнему совершенно ничего не понятно. В голове завертелась куча вопросов. Когда люди стали причислять себя к классам? Как произошло это разделение? Закреплено ли оно законодательно на государственном уровне? И если да, то, когда это произошло? Почему расслоение общества тщательно скрывается или дезавуируется руководством страны? Разделение на классы в современном обществе – это нонсенс какой-то. И кто такие послушники? И если сейчас Мара говорит об этом как о свершившемся факте и ее дочери нельзя носить платье, предназначавшееся Высшим, то чего я не знаю еще? И о чем я даже не догадываюсь?

Я собрала нервы в кулак и спросила:

– И кто же относится к Средним и Низшим? С Высшими-то все ясно.

Подруга произвольно, словно по привычке, крепко сжала левой рукой правое запястье.

– Средние – это учителя, врачи, рабочие высокой квалификации, районные чиновники, рядовые моповцы...

– Ты хотела сказать менты, омовцы?

– Нет. Именно моповцы. У нас теперь не МВД, а МОП – Министерство Общественного Порядка.

– Ясно. А Низшие?

– Это простые работяги. Ну... бедные... все те, кто занят неквалифицированным трудом и сельское население. А еще люди, которые живут в районных городках. Не так давно к Низшим причислили уголовников. Ведь надо устраивать шоу из судебных процессов над ними и смаковать смертную казнь, чтобы другие боялись. Раньше-то они ходили в Лишних и расстреливали смертников по-тихому.

– Что, казни показывают по телевизору?

– Нет, но о них много пишут в газетах и сообщают в новостях.

– А кто такие Лишние?

– Лишние? – переспросила Мара, а потом серьезно сама же и ответила: – Лишние – это безработные, которые не платят налог на бедность. В разряд Лишних сразу причисляются те, кто в течение трех месяцев не нашел себе рабочего места. С трудоустройством было трудно, потому что увольняли больше, чем принимали на работу. Вот и придумал кто-то этот разряд или категорию, называй как хочешь, чтобы люди более активно искали работу и начинали платить государству налоги. А еще могли платить за обучение детей в школах и вузах, и за медицинское обслуживание конечно. У нас уже давно за все надо платить, – Мара грустно вздохнула и продолжила: – Спустя некоторое время к ним стали причислять асоциальных личностей: бомжей, алкоголиков, наркоманов, а еще больных СПИДом, некоторые категории пенсионеров, тяжело больных людей...

– Все понятно... Можешь не продолжать.

– Нет, дай мне договорить! Я уже много лет молчу и у меня нет сил держать все это внутри, – быстро и решительно заговорила Мара. В ее больших глазах стояли слезы, но голос не дрожал. Лицо подруги излучало такую решимость, что я вынужденно отступила.

– Хорошо. Я слушаю.

Гольская набрала воздуха в легкие и продолжила:

– А еще у нас есть Послушники. И по сути – это рабы. Это они следят за порядком на улицах и в подъездах. Это они прислуживают Высшим и выполняют в их домах всю грязную работу. Это они таскают камни на полях и моют деревья и траву. И совсем скоро их можно будет официально покупать и продавать. И выкупать. Уже готовится Указ. – Мара провела ладонями по бледному лицу, словно стирая какое-то страшное воспоминание и очень тихо, едва слышно, добавила: – Правда выкупать уже можно и сейчас, только негласно и за очень большие деньги. Но как правило, чиновники идут на это неохотно и крайне редко... Да и выкупать Послушников бывает просто некому и не за что...

Мара замолчала, словно выдохлась. Теперь ее глаза были сухи, но в них читалась такая ненависть, что у меня похолодело внутри. Она освободила свое правое запястье и лицо ее немного расслабилось.

– Впрочем, – сухо сказала она: – Ты все увидишь и поймешь, когда мы выберемся в город. Мы же на сегодня запланировали прогулку по городу. И мы обязательно прошвырнемся по центру и заглянем и в магазинчики, и в кафеюшку. Ведь так?

– Да.

Мы заканчивали завтрак в полном молчании. Мне было необходимо время, чтобы переварить услышанное. Привезенный мною кофе приобрел странный привкус – привкус сильной горечи, а бутерброд с отвратительной колбасой стал безвкусным. Я бросила его на тарелку и закурила.

– Тебе уже лучше? – заботливо спросила я, прерывая затянувшееся молчание.

– Да. Спасибо, Женя. Ты меня простишь?

– За что? – я удивленно приподняла брови.

– За то, что испортила тебе настроение. Я не должна была рассказывать все это.

– Нет, Марочка, ты поступила правильно. И с кем ты еще можешь поделиться, как ни со мной? Мы ведь подруги и всегда все друг дружке рассказывали честно и откровенно. А помнишь, – резко сменила тему я, – как в институте мы напугали Бельскую, подкинув в ее сумку дохлую мышь?

Тогда эта примитивная детская выходка казалась нам чем-то из ряда вон выходящим и веселым. Доцента Бельскую не любили и побаивались. На моем факультете она читала социальную психологию и поговаривали, стучала. Бельская быстро вычислила кто совершил в отношении ее такой, как она выразилась, отвратительный акт издевательства над уважаемым преподавателем, и я на третьем курсе чуть не вылетела из университета. Мара же отделалась легким

испугом, ведь она всего-навсего нашла ту самую дохлую мышь. Я не сдала ее и вскоре мы забыли об этом инциденте. Но я подозревала, что сама Бельская об этом не забыла и наблюдала за мной пристальнее, чем за другими студентами, чтобы в один прекрасный день отыграться за мою невинную шалость.

Припоминая ту историю, мы рассмеялись.

– А где сейчас Бельская? Чем занимается? – спросила я, когда мы успокоились.

– О! Она большая шишка сейчас. Она – Главный Идеолог Государства.

– Да ты что? Эта баянная кнопочка?

Перед моими глазами предстала маленькая полная женщина. Ее лицо действительно чем-то напоминало баянную кнопочку. Оно было плоским и бледным. Глаза на выкате, маленький приплюснутый носик, тонкие губы, вечно растянутые в брезгливой мерзкой улыбочке и коротко стриженные, выкрашенные в белый цвет волосы, постоянно подвергающиеся химической завивке. В общем, весьма неприятная особа. И высокий визгливый голос не добавлял прелести этой одинокой даме, державшей в ежовых рукавицах весь факультет. Я поначалу сочувствовала ей, но столкнувшись с ней поближе поняла, насколько она страшный человек и общения с ней надо избегать всеми доступными способами. На мое счастье в моей группе на четвертом курсе она уже не читала лекций и не проводила семинарских занятий. А на пятом, я и вовсе старалась не замечать ее.

– Тише ты! – в который раз одернула меня подруга. – Имя Анны Станиславовны Бельской следует произносить с подчинением, тихо и с придыханием.

Мара улыбалась, а в глазах заметались веселые искорки. Мне казалось, что ёрничание над бедной женщиной доставляет подруге удовольствие.

– Она вышла замуж? – поинтересовалась я, скорее удовлетворяя свое любопытство, чем искреннее желание узнать о судьбе доцентши.

– Нет. Так и проходила в девках всю жизнь.

– Жаль...

– Да ничего ее не жаль! – воскликнула Мара. – Она редкостная...

Но Гольская не договорила и зажала рот рукой. Я сделала вид, что ничего не заметила и бодро сказала:

– Ну что, пойдем гулять?

– А давай прошвырнемся по нашему старому маршруту, – предложила подруга и я с радостью констатировала, что она немного повеселела и не уже выглядит такой изможденной и страдающей, как полчаса тому назад.

– Легко! – согласилась я и тут же вспомнила, что мы любили дефилировать по Центральному проспекту, не пропуская ни одного встречающегося на нашем пути магазинчика. В каком-нибудь из них мы оставляли сущие копейки, приобретая совершенно не нужные нам вещи. А потом усаживались на террасе любимого кафе и долго сидели за одной чашкой кофе, разглядывая прохожих или болтая о чем-то важном, сокровенном. Иногда мы рассказывали друг другу о том, о чем можно было поведать только поистине самому близкому другу. И таким другом была для меня одна Мара.

6.

Спустя полчаса, мы уже неторопливо шли по Центральному проспекту. Я узнавала главную улицу города, его дома, детскую библиотеку и ЦУМ. Правда теперь он назывался Торговый Дом Петровский, в честь имени старшего сына ГГ. Сам проспект был расширен и закатан в свежий асфальт, но фонарные столбы чередовались на таком же расстоянии друг от друга как и прежде. Только они почему-то казались выше. Мое прирожденное любопытство взяло верх, и я остановилась у ближайшего столба. Задрав голову, я попыталась рассмотреть какое-то странное замысловатое устройство, расположившееся на самой верхушке столба. Незвестный

мне прибор отдаленно напоминал то ли старинный плоский микрофон, то ли экран, обрамленный по периметру переплетением одетых в металл проводов. Конструкция была установлена на штывь, позволявший ей легко разворачиваться вокруг своей оси.

– Идем. Не останавливайся. Не стоит привлекать к себе внимание, – зашептала Мара и взяв меня под руку, повела вперед. Но я сделала удивленные глаза, и подруга неохотно пояснила: – Это камеры слежения. Но они не только следят за нами, но еще и слушают. При надобности они легко вычленият тебя из толпы благодаря твоему чипу.

Мы прошли еще метров двести, как Мара мотнула головой в сторону большого современного торгового центра, где когда-то располагался Дом быта.

– А на крыше этого здания, натканы такие же камеры, только помощнее в сотни раз. Они способны просматривать все без исключения помещения вглубь здания, включая подвальные. И смотри, как много там всяких антенн.

– Они прослушивают всех? – заговорщицким тоном спросила я, подыгрывая подруге. Меня уже начала забавлять эта игра в шпионов. Говорить шепотом, не останавливаться, не вертеть головой по сторонам, не смотреть на лица проходящих мимо людей... Ну прямо как в дрянном шпионском боевике.

Я даже не стала уточнять кто эти «они». По сюжету боевика, разворачивающегося на моих глазах, это было ясно и так. Но Мара на удивление была серьезна и совсем не шутила. Укоризненно взглянув на меня, она ответила:

– Да. И при желании они могут отслеживать передвижение любого человека, если на это будет отдан приказ. Могут даже следить только за тобой одной.

– Да ну? – рассмеялась я. – Это же чушь какая-то.

– Напрасно смеешься, – строго сказала Гольская. – Я не вру.

– А за нами вчера следили? – спросила я и непроизвольно огляделась по сторонам, уж слишком озабоченной выглядела моя подруга. Но ничего опасного и сверхъестественного вокруг нас не происходило. Люди равнодушно шли по проспекту, совершенно не обращая на нас внимания.

– Да, – так же серьезно подтвердила Гольская.

– Почему?

– Потому что ты приехала из-за границы. Вот почему. И за тобой начали наблюдать, как только ты сошла с трапа самолета.

И вдруг я поверила Маре. Да и трудно было не поверить, после эпизода на вокзале. Я вмиг почувствовала себя голой, беззащитной и беспомощной. И одинокой. Я тоскливо взглянула на подругу и сказала:

– Давай минуточку посидим в скверике. Что-то нехорошо мне.

– Я согласна. Помнишь нашу скамейку у фонтана?

– Да.

Мы приблизились к пешеходному переходу и остановились в ожидании зеленого огонька светофора. Но вместо старого привычного красного огонька, сейчас высвечивалась надпись: «Стойте!». Затем быстро промелькнуло предупреждающее: «Ждите!» и наконец – «Идите!» Гольская потянула меня за рукав блузки, и мы вместе с остальными пешеходами, как солдатики, прошагали по привычной «зебре».

– Но как вы тут живете? – спросила я, когда мы присели на нашей скамейке (и как я надеялась подалеже от вездесущих камер). Меня немного успокоило еще и то, что мы сидим совсем близко от весело журчащего фонтана и звук льющейся воды все же заглушает наши слова.

– Не обольщайся, подруга, – словно услышав мои мысли, сказала Мара. – Вода не глушит наш разговор. Люди говорили, что они с этим справились уже давно. Сейчас их основная задача – научиться считывать наши мысли. Вот тогда нам будет совсем весело.

Я насторожилась:

– Мысли? Вот это да! – воскликнула я и после короткого раздумья осторожно сказала: – Но ты же сильно рискуешь, рассказывая мне обо всем.

– Не больше чем другие, кто в состоянии думать, анализировать и сравнивать. Да и нет у них столько людей, чтобы следить абсолютно за каждым.

– Ты уверена? – не поверила я и полезла в сумку за сигаретами. Я закурила и мне стало чуть-чуть лучше.

– Затужи сигарету, Женя! Быстро! – неожиданно заволновалась Мара, затравленно осматриваясь по сторонам, а затем подняла голову вверх.

Я сразу же поняла столь быструю перемену в ее поведении. К нам приближался дрон. Я суетливо бросила сигарету на землю и затоптала его. Затем ни секунды не сомневаясь, подхватила злосчастный бычок с земли и засунула его в недра своей сумки. Соглядатай покружил над нами несколько секунд и бесстрастно полетел в сторону проспекта.

– Да уж... как-то нереально это все...

– Ну... мы так живем. Мы привыкли. У многих это не вызывает ни отторжения, ни недовольства. А некоторым даже нравится... Сильная рука, порядок, дисциплина, ну и все такое...

Мара хотела сказать что-то еще, но сейчас меня волновали другие вопросы.

– Я так понимаю, что у вас и на улицах курить нельзя? Я обратила внимание, что люди в скверике не курят. А еще в твоём подъезде совершенно не пахнет сигаретным дымом.

– В местах, где отдыхают люди курить запрещено. Можно только в своих квартирах или в специально отведенных местах. Даже на своих балконах нельзя. Глава Государства не курит и нам не советует. Он ратует за здоровый образ жизни и с курением государство борется уже давно. Мы обязаны быть здоровыми, сильными и счастливыми, – терпеливо, как ученикам в классе, объяснила Гольская.

– Мара, а ты не знаешь, что будет с моим чипом? Ну... когда я уеду домой?

– Не волнуйся. Он рассосется через две недели. Твой микрочип запрограммирован только на период твоего пребывания здесь. Мы с Пашкой узнали это от вполне компетентного человека. Ему можно верить. Правительственный Комитет Десяти (правительство Элитарии) не хочет обострять отношения с другими странами. Поэтому всем прибывающим из-за границы гостям вживляют временные микрочипы из совершенно другого сплава, не такого как наши. У нас пожизненные и мы не знаем из чего он сделаны. Это бо-о-льшой секрет.

И в этот момент я решила, что пора поднимать нам настроение.

– Слушай, подружка, как ты смотришь на то, чтобы потратить немного денег? Пойдем-ка в ваш Петровский. Купим продуктов. Я хорошо понимаю, что вам трудно с Пашкой живется и сидеть на вашей шее я не хочу.

Мара протестующе замахала руками. Но я обняла ее за худенькие плечи и мягко сказала:

– Поверь, мне это не трудно. Зарабатываю я хорошо, даже отлично. Так что возражения не принимаются. И еще я обратила внимание на твою бабскую сумку. И прости меня, милая, с такой старой и страшной сумкой уважающая себя женщина ходить не должна. Поэтому, сделаем тебе еще один подарок. Мы купим приличную сумку, соответствующую твоему молодому возрасту и работе педагога, имеющего высшую категорию. Хотя можно и не сумку, можно что-то другое. Тебе решать.

Гольская улыбнулась:

– Знаешь, Свенсон, ну не могу я противостоять твоему напору! Как не могла, когда ты была еще Максимовой. А давай рванем в новый торговый центр! Там и выбор побольше и цены не так кусаются.

– Ну уж нет! Только в ЦУМ!

7.

В паре шагов от универмага Гольская неожиданно остановилась как вкопанная.

– Женька, покажи-ка свою руку, – попросила она.

Я протянула левую руку и удивленно уставилась на озабоченное лицо подруги.

– Нет, не эту. Правую.

Я повесила сумку на плечо и выставила вперед правую руку. И в этот момент Мара неестественно быстро побледнела, а ее глаза расширились от ужаса.

– Где твой СЭФ? Где пластиночка, которую тебе приклеили на запястье, когда вводили чип? Ты должна была носить ее еще несколько часов!

Лицо моей подруги стало уже не белым, а каким-то зеленовато-серым.

– Не знаю, – беззаботно отмахнулась я, но глядя на Гольскую стала ощущать легкое волнение. – Наверное смыла в душе. Еще вчера вечером.

– Господи! Ну почему я, дура старая, не предупредила тебя, что к этому надо относиться серьезно. Почему я не перевязала твое запястье? Идиотка я, полная идиотка, – быстро запричитала Мара и уже была готова расплакаться.

– Ну смыла, ну и что? Не расстраивайся ты так, а то мне уже становится страшно.

– Понимаешь, если чип не получил всю твою биометрию, ну там сердцебиение, давление и всякое другое, да показания устройства, считывающего эмоциональный фон, он активирован не до конца. То есть они будут видеть тебя, но не смогут наблюдать изменения в твоем настроении. Они теперь могут определять в каком состоянии ты находишься. В спокойном или возбужденном. Дошло до тебя, наконец? А отсутствие показателей твоего настроения – это плохо, очень плохо. У нас будут большие неприятности. За небрежное отношение к чипу и СЭФу или их самостоятельное и несанкционированное удаление дают большие сроки. Очень большие.

– Я поставлю новый чип или эту чертову пластинку... где-нибудь... и делов-то, – попыталась я успокоить подругу. – И давай отойдем в сторонку, а то возле нас скоро толпа соберется.

И правда, мимо нас проходили люди и осуждающе поглядывали в нашу сторону. Несколько человек даже остановились в некотором отдалении от нас и что-то тихо обсуждали между собой, иногда указывая на нас пальцами. Потом одна женщина в довольно приличном возрасте, достала из сумки карандаш и блокнот и что-то черкнула на чистом листке. Она повертела листок в руке, словно раздумывая как ей поступить дальше. Но молодой парень, возможно ее сын, выхватил листок и уверенным шагом направился к высокому узкому металлическому ящику, стоящему у самой кромки тротуара. Быстрым движением он просунул листок в его узкую щель и с гордо поднятой головой вернулся к группе. Группа тут же рассосалась, завидев приближающийся дрон.

– Ну все! Нам конец! – прошептала Мара.

Теперь ее лицо почернело и сморщилось. Схватив за локоть, она потащила меня ко входу в магазин, при этом обреченно и едва слышно приговаривая:

– Нас сдали. И нас могут забрать.

– Куда? – спросила я. Мое волнение уже перерастало в страх, и я уже была готова запаниковать.

– В МСС.

– Куда-куда?

– В Министерство Сыска и Слежки. В простонародье – эсэс, – прошептала Мара.

– Так, подруга. Дышим глубоко. Идем медленно. Мы просто гуляем. Успокаиваемся. Еще ничего страшного не произошло.

Мы старались идти спокойно. Я плотнее прижалась к Маре и почувствовала, как дрожит ее тело.

– Во всем виновата я одна, – продолжила я, наклеив на губы улыбку. – Если они придут, я буду сама с ними разбираться. Поняла?

– Не имеет значения кто виноват: ты или я. Они все равно явятся.

– Но я гражданка другой страны. Мне они ничего сделать не смогут. А ты не при делах. Да и чип, я думаю, был активирован сразу. Так что для паники нет причин.

– Будем надеяться, что нас пронесет, – с какой-то фатальной обречённостью в голосе прошептала Мара и добавила: – Будем надеяться...

8.

Как две заговорщицы, мы медленно приблизились к центральному входу в универмаг. Затем так же неторопливо поднялись по широким ступеням и вошли в раскрытые настежь двери магазина. Пройдя сквозь рамку металлодетектора, мы оказались в просторном холле. Как и положено в выходной день (я еще не знала, что суббота уже лет десять была рабочим днем), в универмаге было довольно многолюдно и даже шумно. Основная масса покупателей устремлялась к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. На первом же этаже все отделы слева и справа были скрыты высокими пластиковыми матовыми щитами, плотно подогнанными друг к другу. Разглядеть, что происходит за ними не представлялось возможным. Крайне редко кто-то протискивался в довольно узкий проход между щитами справа, а еще реже слева. Я по старой привычке тоже хотела свернуть направо, где, как я помнила, можно было затаиться продуктами. Но Мара дернула меня за руку и сказала:

– Нам на второй.

– Но там же гастроном. Нам продукты нужны.

– Забудь про первый этаж. Нам на второй, – тоном, не терпящим возражений, повторила подруга.

Мы быстро миновали ограждение и начали подниматься по лестнице.

– А что на третьем?

– Третий этаж для Высших. Там закупаются чиновники, их жены, дети и все остальные... ну ты понимаешь кто.

Я кивнула.

– Там и качество повыше. В основном весь импорт там. Но и цены заоблачные. Можно рассчитывать даже валютой.

– Совковые «Березки» что ли?

– Типа того. Меня туда не пропустят. А вот тебя – да. Ты же иностранка. И, кстати, третий этаж строго охраняется.

– Да какая я иностранка... Родилась-то я в Неверске, то есть в Солнечногорске, – поправила я себя и подумала о том, что новое название родного города как-то не вяжется с его настоящими реалиями.

– Но ты гражданка другой страны. И скажу честно: тебе повезло, что ты вышла замуж за Свенсона и вовремя свалила из страны.

– Не буду спорить, – согласилась я и мечтательно добавила: – Да... Когда-то я влюбилась в него безумно, хотя он был старше меня на двенадцать лет.

– Да. Тогда он нам казался стариком, – тихонько вздохнув, согласилась Мара.

Тем временем мы поднялись на второй этаж. Горожане бродили между торговыми секциями, что-то покупали, к чему-то приценивались.

Бесшумно работали кондиционеры. Из динамиков, скрытых в потолке, доносилась приятная, спокойная, я бы даже сказала убаюкивающая мелодия. Иногда она прерывалась короткой рекламой, но чаще можно было услышать приятный женский голос: «Мы любим нашу родину. Мы любим Главу Государства. Мы благодарны ему за мир и покой, царящий у нас. Мы счастливы». Я несколько не сомневалась, что в пожарной сигнализации спрятаны камеры наблюдения, покрывающие каждый сантиметр просторного торгового зала и примыкающего к нему коридора.

– Давай сначала пройдемся по отделу женской одежды, – предложила я. – Купим тебе какую-нибудь обновку.

– Не стоит, Женечка. У меня все есть, – попыталась отказаться Мара, но я видела, что она довольна моим предложением и рада побродить среди стоек с одеждой. Мне даже показалась, что она немного повеселела и ее лицо постепенно приобретает нормальный живой вид.

– Нет уж, милая. Гулять так гулять! Я бы привезла тебе что-нибудь понаряднее, но не знала твоего размера, – жизнерадостно ввернула я и тут же осеклась, припомнив свой неудачный подарок для дочери подруги.

Мы направились к нужному отделу, благополучно прошли через очередной металлодетектор и оказались в царстве местной женской моды. Я потащила Гольскую к металлическим стойкам с изделиями отечественного легпрома. Мы быстро нашли стойку с сорок шестым размером и принялись небрежно передвигать вешалки с так называемыми туалетами. Постепенно я затосковала. Вещи, висевшие на пластмассовых плечиках, трудно было назвать туалетами, а еще сложнее модными. Фасоны платьев мало отличались от тех, которые считались модными еще в пору моей юности. Простые, незамысловатые геометрические расцветки, одной длины рукава, однотипные вырезы и длина чуть ниже колена. Ткани синтетические, дешевые и непрактичные.

Я с жалостью наблюдала за подругой и сочувствовала себе, потому что выбор сделать было просто не реально. От однообразия и безликости одежды сводило скулы. Мара тоже не могла определиться с выбором, но настойчиво вытаскивала из нудной череды то одно платье, то другое.

– Да... туговато у вас с платьями, – наконец не выдержала я. – Пойдем-ка, Гольская, покопаемся в юбках и блузках.

Но и в этом отделе нас ждала та же невеселая картина: темная и убогая одежда, один покрой и стиль. И тут я впервые обратила внимание на то, как была одета сама Мара. Коричневая слегка расклешенная юбка, строгий черный пиджак и черные тупоносые туфли на низком ходу. И только белая блузка немного оживляла всю эту мрачность и безликость в наряде подруги. К слову сказать, многие женщины, окружающие нас, были одеты точно так же. Серо, стандартно и безвкусно.

– А может рванем в обувь? – еще на что-то надеясь, вновь предложила я.

– Знаешь, Максимова, ты права. Мне все-таки нужна новая сумка, – устало и как-то виновато сказала Гольская.

– Хорошо. Потопали в галантерею.

Но и там царили те же мрачные, темные тона, отвратительное качество и полное отсутствие хоть какой-нибудь фантазии и вкуса.

Мара после долгих колебаний выбрала наконец коричневую объемную сумку с двумя ручками.

– Книги и тетради будет удобно носить, – пояснила она свой выбор, с тоской заглядывая в мои глаза.

Но я скривила недовольную мину и пробурчала:

– А еще хлеб, колбасу и консервы.

– У меня осенние туфли и сапоги черные. Тогда, может эту? – сказала Мара и подхватила с полки черную сумочку на тонком длинном ремешке. Сумка была поменьше и поэлегантнее предыдущей, но все равно выбор подруги не внушал мне оптимизма.

– Опять козам? Не смей меня, дорогая. Лучше купим хорошую, кожаную.

Гольская моментально сникла.

– Да нет здесь ни кожаных сумок, ни кошельков, ни обуви. Все это там!

Подруга указала глазами на потолок, и я поняла, что пора брать инициативу в свои руки.

– Правда? Так давай поднимемся туда.

– Я не смогу пройти через рамку на третьем этаже. Мой чип не позволит мне сделать это.
– Ладно, – быстро сориентировалась я на местности. – Я пойду одна. А ты пока еще погуляй здесь немножко. Но, не обессуди, подруга, буду выбирать сумку на свой вкус. Что выберу, то выберу.

– Согласна, – улыбнулась Гольская. – Я доверяю твоему вкусу.

Я быстро покинула этаж для Средних, и еще быстрее начала подниматься на третий. Медитативная музыка по-прежнему сопровождала меня и тот же женский голос нежно, но настойчиво пытался зомбировать мой мозг: «Друзья, мы все очень счастливы. Мы живем в прекрасной стране. Мы спокойны и любим свою чудесную страну Элитарию. Мы в безопасности. Мы свободны. Глава Государства ежесекундно заботится о нас. Глава Государства решает все наши проблемы. Глава Государства думает о нас, бережет нас и защищает. Мы живем в прекрасной стране. Мы все счастливы».

Чем выше я поднималась по лестнице, тем тише становился прекрасный голос. Хотя, еще находясь на втором этаже, в какое-то мгновение у меня появилось страстное желание тут же купить наушники, заткнуть уши и окунуться в тишину. А еще закрыть свое сознание от примитивных установок, назойливо и агрессивно-навязчиво льющихся в него.

Наконец дивный голос смолк, и я почувствовала приятный запах лаванды, сандалового дерева и еще чего-то восхитительного, вкусного. На последней ступеньке я приостановилась, чтобы поглубже вздохнуть этого дивного аромата. Спустя какое-то время, я вздрогнула и словно очнулась от короткого приятного забытья. «Что за черт! Почему я стою? Что со мной? – промелькнуло в голове и я медленно продолжила свой путь в направлении входа в супермаркет третьего этажа, оформленного в виде овала со скрытым в нем металлодетектором. На удивление мои мысли были светлы и безмятежны, а во всем теле ощущалась легкость, почти невесомость. Я словно помолодела лет на десять. Мне хотелось радоваться и наслаждаться каждой минутой своей жизни. Но состояние эйфории длилось не долго. Где-то в районе солнечного сплетения я почувствовала дискомфорт. Душа предупреждала об опасности. «Обоняние – это первая сигнальная система. Эти запахи – специально подобранные химические вещества. Подкорка бессознательно и рефлекторно воспринимает их. А лимбическая система управляет моими эмоциями и психикой – пронеслось в мозгу. – Я это еще помню из университетского курса. Так их зомбируют. Как защититься? Мне нужен противогаз?»

На последней мысли я вдруг четко представила себя в наушниках и противогазе. Мне стало весело, и я невольно рассмеялась. Но радоваться я начала рано. У овала меня поджидал весьма неприятный сюрприз.

– Предъявите чип! – потребовал коренастый, плечистый, с бычьей шеей молодой человек. Его лицо можно было бы назвать приятным, если бы... если бы не глаза. Они были злыми, как у свирепой овчарки, натасканной умелым кинологом.

Парень был одет во все черное: черный комбинезон, черные высокие со шнуровкой ботинки, черная фуражка с кокардой в виде бизона. На кокарде и пряжке широкого черного ремня, туго перетягивающего талию, сверкали серебряные буквы МОП. К ремню были пристегнуты устрашающего вида резиновая дубинка и кобура с пистолетом. («Интересно, пистолет заряжен или это камуфляж?»). Я не видела было ли что-то в руках моповца, потому что они были заведены за спину. Ноги молодого человека были широко расставлены, и вся его поза говорила: «Враг не пройдет!»

– Предъявите чип, пожалуйста, – повторил охранник и в его голосе уже явственно слышались металлические нотки.

– Hello young man (здравствуйте, молодой человек), – неожиданно для себя заговорила я по-английски. – I arrived to your city from abroad just yesterday and... (Я только вчера приехала в ваш город из-за границы и...).

Моповец высвободил левую руку и дотронулся пальцем до миниатюрного наушника.

– Повторите, – бесстрастно, как робот потребовал парень.

Я слово в слово повторила свою фразу и он, прослушав перевод, ответил:

– If you arrived yesterday, you should already have a chip. Pull forward your right hand (если вы приехали вчера, вы уже должны иметь чип. Протяните вперед свою правую руку).

В состоянии тихой паники, я вытянула руку и подумала о том, что мои каникулы в городе детства едва начавшись, сейчас и закончатся. Не особенно церемонясь, моповец схватил мое запястье и вытащил из-за спины свою правую руку, в которой держал сканер. Приблизив сканер к моему запястью, он внимательно начал читать бегущий на дисплее текст. Когда поток данных прекратился, молодой человек поднял на меня холодный взгляд.

– Чип активирован не полностью, – по-русски сказал он и выпустив, наконец, мою руку, приказал: – Ждите здесь.

Парень отошел на несколько метров, не спуская с меня колючего взгляда и сделал кому-то знак рукой. Возле нас тут же появился еще один моповец. Охранники тихо перекинулись между собой парой слов. Новоприбывший взял под козырек и быстро куда-то ретировался. Спустя минут пять, он вернулся в сопровождении худощавого блондина среднего роста. Лицо мужчины было чисто выбрито, а глаза казались бесцветными. Создавалось впечатление, что он видит меня насквозь. От блондина веяло холодом и высокомерием.

По тому, как охранники навтыяжку встали перед этим типом, можно было легко догадаться, что это их начальник. Определить его звание или ранг было сложно. На мужчине был классный серый костюм от «Бриони», кремовая рубашка отличного качества и красивый фирменный галстук. Костюм сидел на блондине как влитой, а на лацкане пиджака красовался небольшой красный значок в виде щита с золотыми буквами МСС.

Пока я ожидала прибытия начальника охраны, то вся извелась. Неопределенность моего положения угнетала. Я вспомнила расширившиеся от ужаса глаза Мары, когда она обнаружила, что я так небрежно обошлась с изобретением айтишных гениев Элитарии. Но я не собиралась сдаваться и окончательно погружаться в панику. Я готова была бороться и отстаивать свои интересы во что бы то ни стало.

– Здравствуйте, госпожа Свенсон, – вежливо поздоровался начальник охраны. – Оказывается вы являетесь уроженкой нашей страны. Надеюсь, что вы не будете разочарованы своим пребыванием на родине. Однако, – блондин сделал многозначительную паузу, – незнание наших законов не снимает с вас ответственности за правонарушение, которое вы, уверен, совершили абсолютно неосознанно. Вы были весьма неосторожны с СЭФ (Сканер Эмоционального Фона) и ваша халатность...

– Понимаете, я, наверное, смела его вчера, когда принимала душ, – все-таки начала оправдываться я, перебив монотонную речь блондина. Но помимо воли напряжение внутри меня все нарастало и нарастало. Мимо нас проходили холеные, хорошо одетые мужчины и женщины. Они бросали короткие осуждающие взгляды в мою сторону и качали головами. («Как китайские болванчики» – пришло мне на ум странное сравнение, хотя для этого момент был не самый подходящий). Они явно видели во мне преступницу, переступившую черту дозволенности и вторгающуюся в их мир избранных.

На лице начальника охраны промелькнула тень легкого удивления и явного недовольства тем, что его прервали, но выражение лица блондина быстро сменилось на мину вежливого и холодного безразличия.

– Понятно. Бывает, – сказал начальник охраны, словно ножом нарезая каждое слово. – Во избежание дальнейших неприятностей, госпожа Свенсон, вам необходимо в течение часа явиться вот по этому адресу.

Мужчина протянул мне корпоративную визитную карточку красного цвета с золотыми буквами МСС. Я взяла визитку и посмотрела на ее оборотную сторону. Там был указан адрес,

телефон и фамилия человека, к которому мне следовало явиться. Фамилия полковника Пряхина показалась мне знакомой, но я не предала этому значения.

– Вам ясно?

– Да.

– У вас еще есть время приобрести то, зачем вы пришли сюда, госпожа Свенсон. Но потом, будьте любезны, явиться в МСС в положенное время для исправления своей ошибки. Я доложу о вас. Вас будут ждать. Отказ от визита в МСС будет расценен нами как совершение преступления, и вы, в лучшем случае, без промедления будете выдворены из страны.

– А в худшем? – нагло поинтересовалась я.

Блондин надменно проигнорировал мой вопрос и продолжил:

– И вам будет запрещен въезд к нам навсегда. Мы не любим недисциплинированных гостей. Вы все поняли?

Я вынужденно кивнула.

– Спасибо за понимание. Я обязательно прибуду по указанному адресу, – казенно отозвалась я. («Да-а. Дела... Пряма какие-то картинки с выставки... И запугивать этот тип умеет мастерски»).

Начальник охраны напоследок пробуравил меня взглядом и попрощался:

– Всего хорошего, госпожа Свенсон. Уверен, что вы будете приятно удивлены широким ассортиментом товаров, представленных у нас.

Тут мне показалось, что мужчина улыбнулся. Но это была не улыбка, а волчий оскал хищника, который не хочет выпускать добычу из своих цепких лап.

Блондин в костюме от Бриони по-военному развернулся на каблуках и удалился. А молодые овчарки расступились, пропуская меня через овальный металлодетектор в торговый рай Высших.

Я облегченно выдохнула, быстро пробежала глазами по табло с указателями и, ускорив шаг, направилась к нужной мне секции. Времени на выбор сумки для подруги оставалось мало, и я мгновенно сообразила, что получить удовольствие от шопинга явно не получится.

Быстро шагая по коридору, и по ходу поглядывая на идеально чистые стекла витрин дорогих и нарядных бутиков, я поняла, почему Мара с такой завистью говорила о магазинах для Высших. Разница в оформлении отделов, в изобилии импортных товаров и их качестве была не просто огромной, она была поистине колоссальной. Ну... Это как сравнивать старые ржавые и прогнившие до основания «Жигули» «копейку» и современный навороченный блестящий «Майбах». И мне даже трудно было представить, чем же торгуют на первом этаже, этаже, предназначавшемся, как я теперь догадалась, для Низших.

Я вошла в отдел с сумками и в который раз поразились богатому ассортименту. Я взглянула на часы. Времени катастрофически не хватало. Я оббежала стеллажи, плотно уставленные дорогими сумками и аксессуарами модных брендов. Мой выбор пал на черную лакированную и довольно объемную сумку от «Шанель» и кожаные перчатки к ней. Мара наверняка будет довольна. И тетрадки поместятся и батон, при желании, можно будет запихнуть. Да и хороших кожаных перчаток у нее точно нет.

Я огляделась по сторонам. Продавца-консультанта в бутике не было. Зато у входа стоял банкомат, а рядышком на стене висел сканер для ценников и бирок со штрихкодами. Я поднесла к сканеру ценник, затем бирку и на экранчике сканера высветилось: «Операция произведена успешно. Оплатите через банкомат». Оплатив покупку, я получила чек, который машинально сунула в карман джинсов. Потом подхватила со столика красочный бумажный пакет и втиснула в него сумку. Моя миссия была выполнена, и я с удовлетворением покинула милый и гостеприимный магазинчик. Правда, в голове опять завертелись вопросы: «А где продавцы? Их не было ни в одной из секций. Может потому, что они не хотят пускать сюда простых людей? И

они не набирают штат даже из Средних? А может они все видят на камерах видеонаблюдения и не боятся воровства? Надо поинтересоваться у Гольских, что это за система такая».

У выхода меня поджидала растревоженная подруга. Тот же атлет-моповец находился на своем посту. У овала образовалась очередь из трех человек. Охранник внимательно просматривал покупки высокой красивой брюнетки, сверяя их с чеками.

Я суетливо пошарила по карманам джинсов и выудила мятый чек, благодаря бога за то, что не отправила его в урну. Когда подошла моя очередь на досмотр, я предъявила охраннику сумку и подала чек.

– В следующий раз чек не мять, – строго сказал он и выпустил меня на свободу.

9.

Увидев меня, Мара радостно заулыбалась и начала молча спускаться по лестнице. Я потопала вслед за ней. Лишь когда мы оказались на улице, Гольская спросила:

– Ну как все прошло?

Я во всех подробностях рассказала подруге о своем маленьком приключении и подала пакет с подарком:

– Это тебе. Пользуйся с удовольствием, дорогая.

– Спасибо, Женечка. Вот назло всем буду ходить на работу с этой сумкой! Пусть задавятся от зависти!

Мара обняла меня и поцеловала в щеку.

– Спасибо, – с теплотой в голосе поблагодарила она еще раз, а затем отстранилась и настороженно добавила: – Покажи-ка визитку.

Я протянула Гольской кусочек картона, который по-прежнему сжимала в кулаке.

– Это старое здание КГБ? – поинтересовалась я.

– Да. То есть нет... Само здание давно снесли, а на его месте выстроили новое. И ты будешь поражена, когда увидишь его. И до него рукой подать. Пошли! Туда не опаздывают.

– Ну уж нет! – мстительно сказала я, почувствовав дух бунтарства, неожиданно выплеснувшийся наружу. – Я все-таки свободный человек и не обязана перед ними прогибаться. Сначала пойдем в наше кафе пообедаем и отметим покупку, а потом уж к ним. Согласна?

Мара согласна не была. Она опять помрачнела, но сопротивляться почему-то не стала.

– И кстати, наша кафеюшка еще жива? – спросила я.

– Да.

– Отлично. Идем туда.

Раньше наше любимое заведение городского общепита называлось «Пикник». Теперь же над входом красовалась вывеска «Вкусный дом». Я помнила, что в кафе было два небольших уютных зала. Мы с Гольской больше любили «розовый». Розовым зал назывался потому, что его стены были оклеены светлыми с ярко-розовыми разводами виниловыми обоями. А еще мы любили этот зал за то, что там можно было курить и просидеть с одной чашкой кофе до самого закрытия. Как, впрочем, и на летней открытой террасе, на которой по вечерам в хорошую погоду очень трудно было найти свободное местечко.

К моему большому сожалению просторной террасы, примыкающей к кафе, уже не существовало. На ее месте была обустроена стоянка для машин, на которой припарковалось всего два автомобиля. Это были малогабаритные черные «Элли», произведенные в Элитарии и являющиеся, как я узнала позднее, гордостью ГГ.

Мы вошли внутрь заведения. Я была приятно удивлена тем, что там по-прежнему два зала и мы можем рассчитывать на обед в полюбившемся нам когда-то месте. Но интерьер кафе резко отличался от того, что я помнила. В светлом холле не было ни дивана, ни кресел, ни кадок с диффинбахией и калатеей. Он был абсолютно пуст. Невзирая на обеденный час, не было и людей, желающих вкусно поесть в заведении, славившегося на весь город своей кухней.

Мара подошла к аппарату похожему на домофон, висевшему на голой стене слева от входа. Она нажала на единственную кнопку, расположенную в самом центре устройства, и я услышала звонкую трель звонка. Моментально из левого бокового коридорчика выпорхнула миловидная шатенка лет тридцати. Ее деловой костюм был скроен точно так же, как и костюм Гольской, только пиджак и юбка были цвета темного шоколада. Голубая блузка с бантом у шеи совершенно не подходила ни к расцветке костюма, ни к карим глазам администратора кафе. («Видимо, все работающие женщины Средних должны носить такую одежду. Это идентификация их положения в социальной системе общества. Так, наверное, легче распознавать статус».)

Женщина несла в руке уже ставший привычным для меня сканер, а Мара без слов протянула ей правую руку. Особа при исполнении считала чип и только после этого мило улыбнулась Гольской, а потом перевела взгляд на меня. Я тоже предъявила свой чип. И женщина расплылась в еще более широкой улыбке.

– Спасибо за то, что вы выбрали именно наше кафе, – проворковала администраторша. – Но я, милые дамы, нахожусь в некоторой растерянности. Я не знаю какой зал вам предложить. Не желаете ли пообедать по отдельности?

– О нет, дорогуша, – сходу разозлилась я. – Мы будем обедать вместе. И это первое. И второе: скажите-ка нам, бывший розовый зал для кого теперь предназначен?

– Поясните. Я не поняла, – растерялась женщина.

– Зал, который слева, из которого вы вышли, – вступила в разговор Мара.

– Для Средних. Для Высших – зал напротив, в правом крыле кафе. Если вы хотели отобедать там, то вам было необходимо нажать на звонок с правой стороны, – вяло пояснила администратор.

(«У-у, как же здесь все запущено»).

– Тогда нам туда, – строго сказала я. – Я не гордая. Могу и со Средними покушать.

– Вам повезло, мадам. Там сейчас никого нет. Прошу.

Женщина сделала приглашающий жест рукой, облегченно выдохнув. Ей не пришлось решать такую сложную и неразрешимую задачу, как разделить меня с подругой, угодить мне и ей, и при этом остаться на своем рабочем месте. Я могла бы посочувствовать бедной женщине или посмеяться над происходившим, но внутри меня опять начал копошиться гнев. Я еще могла понять, правда с большим трудом, ситуацию в универмаге. Но невозможность пообедать вместе с подругой, не просто раздражала, она злила и способна была довести любого нормального человека до белого каления.

Наивная. Я еще не знала, что это все пока цветочки, и все мои ягодки впереди.

10.

Мара и я благополучно миновали холл и вошли в «розовый» зал. Здесь действительно было пусто. Я осмотрелась. Десять деревянных столиков под туго накрахмаленными белыми скатертями стояли на прежних местах. Стены бежевые. На стенах красуются прямоугольные рамки с призывами беречь хлеб, уважать труд других, заботиться об окружающей среде и тому подобной галиматьей. Придумать что-то глупее этой наглядной агитации, наверное, было уже невозможно. Какой-то дурак отдал приказ украсить стены кафе подобного рода «картинами», а другой идиот принялся его незамедлительно выполнять. Художник, который выводил эти перлы, был, по всей вероятности, человеком творческим, поэтому надписи на этих, с позволения сказать интерьерных «картинах», были выполнены разными цветами и шрифтами.

– Желаете выбрать столик сами? – поинтересовалась администраторша.

– Да. Мы желаем присесть у окна, – раздраженно сказала я и направилась к столику, за которым мы с Марой обычно сидели, бывая здесь.

– Хорошо. Я сейчас приглашу официанта, – без лишних споров согласилась женщина и отстала от нас.

Не успели мы устроиться за столом, как к нам неслышно подкрался официант с папками меню в руках.

– Здравствуйте. Подождать пока вы сделаете заказ? – любезно поинтересовался парнишка. На вид ему было лет шестнадцать.

– Пожалуй, мы не будем торопиться, – ответила Мара и вопросительно уставилась на меня.

– Да. Согласна. Мы позовем вас, когда определимся с заказом, – поддержала я подругу и углубилась в изучение меню.

Салаты, супы и горячие блюда были разнообразными, а цены весьма умеренными. На мой взгляд, конечно. Но я заметила, как беспомощно моя подруга листает страницы меню, застревая глазами на прејскуранте.

– Не волнуйся, я заплачу, – прошептала я, чтобы моих слов не услышали официант и барменша, перешептывающиеся о чем-то у стойки бара.

– Понимаешь... я не думала, что здесь стало все так дорого. Я не рассчитывала... С нашими зарплатами не особо разгуляешься. Мы с Пашей уже лет десять никуда не выходили. Так что я не в курсе...

– Да брось ты! Ерунда. Не думай об этом, – подбодрила я Гольскую. – Заказывай что твоей душевнѣе угодно. И не стесняйся.

– Ладно, – переборола себя Мара и сказала: – Мне салат из креветок, брокколи и треску под соусом.

– Отлично. Я буду то же самое. А я хорошо помню, что ты на рыбе помешана. Давай еще пивка или винца легкого закажем.

– Ты что, сдурела? Тебе же еще в контору идти. Нельзя, чтобы от тебя за километр алкоголя не несло. В прошлом году ГГ издал указ о завершающем этапе борьбы с алкоголизмом. Ты заметила, что написано на растяжке над входом?

– Нет.

– Так посмотри.

Я всем корпусом развернулась в сторону входа, к которому сидела спиной. По краям растяжки были изображены мужчина и женщина, разбивающие бутылки с вином и пустые бокалы, а по центру выведено: «Мы бросили пить и вам советуем сделать то же самое». А ниже, более мелким шрифтом: «Согласно Указа Главы Государства за № 1256 в кафе и ресторанах города продажа алкоголя в дневное время запрещена».

(«Да. Весело. На моей родине уже и днем пить нельзя. А что можно?»).

Я не стала озвучивать свои мысли. Да и зачем всякий раз реагировать на откровенную глупость и тупость руководства страны? Это вредно для здоровья. Моего и Гольской. Мне-то что? Я приехала, погостила недельку-другую и уехала домой. А Маре здесь жить. Жить? Или тихо и как можно незаметнее проживать отпущенное судьбой время и двигаться к старости, боясь всего и всех, и даже своей тени?

За сутки моего пребывания в родном городе, я уже получила достаточно информации, чтобы составить мнение о том, во что превратилась моя родина за двадцать лет. Да, просматривая дома новостные программы и читая нашу прессу я знала, что здесь происходит. Правда, эти новости были очень редкими и скудными, да и подавались они весьма однобоко. Но мой вывод был очевиден: здесь все зашло очень далеко. Мне даже в страшном сне не могло прийтись, что я приеду в совершенно другую, не знакомую мне страну и окунусь в атмосферу тотального контроля над людьми и беспрецедентной слежки за ними. И как ни горько мне было это осознавать, я понимала, что вижу пока лишь верхушку айсберга. Сейчас я на все сто процентов была уверена, что и все последующие дни моего короткого отпуска преподнесут мне еще массу новых и ужасающих сюрпризов.

Тем временем юный официант отвлекся от барменши и подошел к нашему столику. Я сделала заказ и попросила принести негазированной воды.

– Помнишь, как мы отмечали здесь мою помолвку и твой отъезд? – Мара светло улыбнулась, а затем тяжело вздохнула: – И кажется, что все это было в какой-то другой жизни.

– Да, дорогая, конечно, я все помню. И тогда мы были молоды, полны надежд и уверены, что все самое хорошее у нас еще впереди.

– И к счастью, все твои надежды и мечты осуществились. Но как тебе живется на чужбине? Мучает ли ностальгия? Хочешь вернуться?

– Поначалу было сложно адаптироваться и привыкнуть к совершенно другому ритму и образу жизни. Другие люди, другое воспитание и менталитет. Да и межличностные отношения очень отличаются от тех, к которым я привыкла. У нас здесь все было намного проще, добрее и душевнее что-ли. Мучает ли ностальгия? Нет. Олаф создал мне такие условия и дал такую жизнь, о которой многие женщины могут только мечтать. И я очень счастлива. Мой дом теперь там. А возвращаться сюда? Нет, не хочу. Да и зачем?

Мы замолчали. Парнишка-официант, воспользовавшись паузой, вновь предстал перед нами на сей раз с подносом, плотно заставленным снедью. Он почему-то взял инициативу в свои руки и притащил весь заказ сразу. Парень аккуратно выставил на стол корзинку с хлебом и тарелки с салатами и рыбой. Затем открыл бутылку с водой и разлил ее по высоким стаканам. А в завершении своей работы пожелал нам приятного аппетита и вернулся к симпатичной барменше.

Мы принялись за еду. Салат оказался на редкость вкусным. Значит готовить здесь еще не разучились. И это радовало. Черный хлеб тоже был вкусным и очень мягким. Именно по такому свежему и душистому ржаному хлебу я тосковала в первые годы своей жизни за границей.

Мара тоже ела с удовольствием. Когда мы разделались с салатом, Гольская спросила:

– Свенсон по-прежнему практикует?

– Да. Теперь у него своя клиника и он очень много оперирует. Стал довольно известным и часто публикуется в медицинских журналах.

– А дети?

– Я, помнится, вчера говорила, что Александр пошел по стопам Олафа и намерен затмить его в будущем. Мы, конечно, тихонечко подсмеиваемся над ним. Амбициозность сына порой прет через край. Но без сильной целеустремленности трудно добиться чего-то стоящего.

– А Элиза?

– Она сейчас стоит перед выбором. И мы не мешаем ей. Все-таки окончание школы – это очень важный период в жизни ребенка. По секрету скажу, что она влюблена в одноклассника. Первая любовь и все такое...

– Да... понимаю... А, как твой бизнес?

– Гольская, – рассмеялась я. – Я же вчера вам с Пашкой все рассказала. Не помнишь, что ли? У меня с делами все хорошо. Даже отлично! Мой журнал «Подиум» издается большим тиражом, продажи постоянно растут. Я тоже много работаю, и моя работа мне нравится. Много контактов, встреч, новых знакомств и впечатлений. Так что все хорошо.

– Максимова, ты не представляешь, как я рада за тебя! Ты молодец, – с чувством произнесла Мара, и я знала, что подруга говорит искренне и от чистого сердца. Гольская никогда не врала. Просто не умела.

– У твоей Ладушки нет еще друга?

– Нет, пока. Да и вроде рановато, – улыбнулась Мара.

– погоди-погоди, еще годик-другой и она влюбится в какого-нибудь мальчишку. Но думаю, что сейчас ее интересуют совсем другие вещи. Мне кажется, что она очень талантлива. Как в компе быстро разобралась!

– Да, что есть, то есть, – с гордостью сказала Гольская. – Она у нас в компьютерах разбирается будь здоров как! Сейчас для нас с Пашкой очень важно, чтобы она окончила школу с одними пятерками. У нас ведь уже давно пятибалльная система. Тогда она сможет поступить на бюджет в Столичный университет, где готовят только айтишников. Конечно, в идеале, ей бы поучиться за границей. Но детям Средних и Низших учеба в другой стране строго запрещена. Мы сейчас с Пашей волнуемся очень. Бюджетных мест в этом году было очень мало, и есть вероятность, что в следующем их опять сократят. И что будет к моменту поступления Лады с бесплатными местами, предсказать трудно. Но мы надеемся, что для нее все же найдется место на факультете высоких технологий. Если она получит диплом этого факультета, то за ее будущее можно будет не волноваться. Во-первых, она автоматически перейдет в разряд Высших, а во-вторых, материально будет обеспечена так, что и нам сможет помочь с одним делом.

– С каким? – быстро спросила я и после коротенькой паузы задала еще один неприятный для моей подруги прямой вопрос: – И что с Игорем?

Но Гольская сделала вид, что не слышит моих вопросов. Она деловито посмотрела на часы и выдавила из себя:

– Нам пора закругляться. Ты и так уже сильно опаздываешь в контору. Или ты забыла, куда должна была явиться еще полтора часа тому назад?

Мара посмотрела на меня и наши глаза встретились. В ее глазах я вновь увидела тоску, а еще мольбу не спрашивать о том, о чем ей больно говорить. Лицо Гольской вмиг постарело, а губы затряслись.

– Женечка, пожалуйста, давай поговорим об этом завтра. Завтра воскресенье. У Паши будет выходной. На завтра мы запланировали поездку на дачу. Прихватим лодку надувную, порыбачим. Покопаемся в огороде. Небось забыла, как ползать между грядками?

Я обрадованно закивала:

– Класс! Постоять с удочкой у речки – это то, что нам всем сейчас нужно. Принимаю это предложение с огромным удовольствием!

11.

Рассчитавшись за обед, я поблагодарила официанта и оставила ему несколько талеров на чай (талер был введен в обращение в Элитарии лет восемь-десять тому назад). Парнишка залился краской и от предложенных чаевых отказался наотрез. Я пожала плечами и заторопилась вслед за подругой, которая уже поджидала меня у выхода из зала. В эту минуту я дала себе слово, что буду принимать все как есть и по возможности постараюсь примириться с правилами, установленными не мною. Или хотя бы попытаюсь следовать им, пока я нахожусь в Элитарии.

После вкусного обеда наше настроение заметно улучшилось. Мы бодро потопали в направлении улицы Маяковского (название улицы осталось прежним), где когда-то стояло четырехэтажное серое здание КГБ, построенное еще в прошлом веке до второй мировой войны. Я хорошо помню, как горожане старались обходить его стороной и тихонько судачили о том, что в подвалах этого дома от пыток и издевательств пострадало немало безвинных людей. Но эти страшилки абсолютно меня тогда не интересовали. У меня почему-то вызывали улыбку сплетни о том, что кагэбэшники много пьют и даже содержат в штате врача-нарколога. Его основной работой было ставить бедным комитетчикам капельницы, если они сами не могли прийти в себя после очередного запоя.

Мы миновали наш любимый скверик, прошли еще один квартал и оказались перед высоким, этажей в тридцать, ультрасовременным зданием из металла, стекла и бетона. Гольская тут же уткнула глаза в землю и продолжала путь с опущенной головой. Я же во все глаза рассматривала красивую сверкающую башню, над которой словно стрекозы барражировали беспилотные вертолеты. Их было четыре штуки. Они то слетались над крышей здания, то разлетались

в разные стороны. Еще издали я смогла разглядеть, что крыша высотки, возвышающейся над городом, была сплошь утыкана привычными круглыми спутниковыми и тороидальными антеннами, зеркалами из перфорированной листовой стали и антеннами замысловатой формы, о предназначении которых можно было только догадываться. И вся эта мощь ежесекундно следила за горожанами, выискивала неблагонадежных, вычисляла врагов государства (мнимых и явных) и высматривала потенциальных саботажников. («Это же сколько надо иметь в штате людей, чтобы шпионить за всеми?»)

По мере приближения к многоэтажке уже можно было различить две внушительного и устрашающего вида шильды. Они грозно висели у парадного входа на фасаде здания. На нижней был изображен бизон и серебром блестели три буквы МОП. А верхняя была красной и на ней сверкали золотые буквы МСС. («Так, понятненько. Два ведомства в одном флаконе»).

Я принципиально не стала склонять голову перед этим монстром, даже когда мы почти вплотную приблизились к мраморной лестнице высокого и широкого крыльца. Когда мы подошли к большой стеклянной двери, сработали фотоэлементы и «пасть» монстра распахнулась.

Я почувствовала исходящий от моей подруги настоящий животный страх. Он выходил с едким запахом пота. И, признаюсь, я и сама ощутила волнение, хотя не относила себя к робкому десятку. Мне вдруг страшно захотелось домой, к мужу и детям. Я нестерпимо возжелала сию же секунду оказаться в своем большом и уютном доме, где периодически (и особенно в комнатах детей) возникал первозданный хаос. В моем сознании нарисовалась картинка чудесного большого озера, на берегу которого стоял мой дом. Моя душа жаждала окунуться в его чистые, незамутненные и теплые воды, чтобы смыть с себя грязь, которая начала понемногу прилипать к моему телу.

– Мара, не ходи со мной. Подожди меня в скверике, – запоздало и очень тихо сказала я.

– Нет, я тебя не брошу. Ни за что.

– Не упрямясь. Уходи.

– Нет.

Сделав некоторое усилие, я шагнула в пасть монстра. Мара, тяжело дыша, последовала за мной. Мы оказались в огромном мраморном зале с потолком, уходящим куда-то высоко вверх. В центре холла на здоровенном мраморном постаменте стоял мощный бронзовый бюст Главы Государства. Вся конструкция была метра в два-два с половиной в высоту и метра полтора в ширину. Очевидно ее предназначение заключалось в том, чтобы своим громадным размером подавлять волю всех входящих в этот оплот власти. Человек должен был почувствовать свою никчемность и ничтожность и осознать, что ГГ и его верные слуги денно и ночью охраняют мирную жизнь сограждан от внешних и внутренних врагов.

Справа от входа расположилась череда довольно узких деревянных кабин-отсеков с фасадами из матового толстого оргстекла, защищенного железной решеткой. («Как собачьи будки за решетками или одиночные камеры»). По всей длине этого странного сооружения, абсолютно не вязавшегося с помпезностью самого холла, протянулась длинная узкая мраморная стойка.

В каждой секции-будке находилось по два человека. Один, видимо, старший по званию, был одет в черную форму, второй – в привычную военную камуфляжную форму солдата-срочника. Первый занимался приемом граждан, а второй, вероятно, сопровождал визитеров в нужный кабинет.

Напротив каждой секции за широкой красной чертой стояло по три-четыре человека, ожидающих своей участи. Люди приближались к стойке, только с разрешения дежурного офицера. Знаков различия и принадлежности к какому-то определенному ведомству на форме офицеров я не заметила. Возможно, они были обозначены на рукавах униформы.

Я приостановилась, решая трудную задачу: в какую очередь встать, чтобы попасть к полковнику Пряхину. Мара, шедшая за мной, уткнулась в мою спину и прошептала:

– Вон, смотри, один освободился.

И действительно. От офицера, сидящего по самому центру, отошел мужчина, явно принадлежавший к Низшим. Поношенная, грязная одежда и стоптанные башмаки, да одутловатое с синяками лицо в обрамлении клочков спутанных волос, яснее ясного указывало на принадлежность человека к этому классу. У меня появилось подозрение, что он уже какое-то время балансирует на тонкой ниточке между Низшими и Лишними. Человек, понуро свесив голову, зашаркал к выходу. Его голова была опущена так низко, что я не смогла рассмотреть выражение его глаз. Чувствовал ли сейчас этот бедолага облегчение, или выходил из здания в страхе, сказать было трудно. Но на его месте я бы, несомненно, радовалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.